

Галина Соловьёва

Книга-игра
Падший

1

Ты спишь... Я не стану тебя будить, но ты вздрогнешь, когда на твое лицо упадет тень антрацитово-черного крыла. Я присяду на краешек кровати, чтобы получше рассмотреть тебя. Какие вы странные, люди... Вы наделены прекраснейшим даром — душой, но совершенно ей не дорожите, вы безбоязненно пятнаете её, предавая себя ради мимолетных удовольствий... Вы опустились до того, что и вовсе не верите в душу... А я? Я никогда не был наделен душой, я потерял даже белизну собственных перьев, я больше не способен испытывать любовь — лишь низменную похоть. А теперь я низвергну и тебя в мир тьмы и порока. Я знаю, ты охотно последуешь за мной, тебе не устоять перед очарованием падшего ангела, а я буду наслаждаться твоим падением... Да, так и будет. Но не сегодня. Почему-то именно сегодня мне не хочется тревожить твой сон... [50](#)

2

— Скажи! Солги! Подари мне эти слова, чего тебе это стоит?! Или ты слишком горда, чтобы снизойти до ничтожества вроде меня?!

— Это унизит тебя, а не меня! Нет! Данте, опомнись! У нас и так остались считанные часы, не порти их!

Унизит... Как хлестко и как жестоко звучат эти слова — но как мало они для меня значат! Разве можно унизить Падшего, того, кто некогда вывалял в грязи самое себя, вычернил собственное естество мраком, выжег нутро пустотой? Меня невозможно унизить, мне некуда падать, мне нечего терять... И поэтому я не уйду, пока не услышу от нее признания. Мне нужна эта ложь, чтобы унести её с собой... [99](#)

3

Она явно рада принесенному мной чаю, но я вижу, что она бледна и под глазами залегли тени. Она слишком вежлива, чтобы попросить меня уйти после того, как сама же дала позволение прилететь. А ведь раньше прогнала бы, не задумавшись ни на миг... Она прикусывает губу и мнется, не зная, что сказать, но нужные слова уже сами слетают с моего языка.

— Я сейчас уйду, прости. Я понимаю, что пришел не вовремя, не стоит это скрывать... Позволь, я подарю тебе сон, сон, который поможет тебе исцелиться?

Она нерешительно сжимает руку, слегка царапая свою ладонь, но, похоже, та же печать, что когда-то казнила меня страшной болью, дает ей некое знание. Или просто покой? Она кивает, и я удаляюсь, чтобы она могла лечь в постель, не стесняясь моим присутствием. Устроившись в развилке ветвей в парке неподалёку, я представляю себе её лицо и тихо шепчу, творя магию грёз:

— Я укутаю тебя легким облаком и спою колыбельную. Я вплету в неё шорох песка и шепот волн, ласкающих берег, далекий стрекот цикад и шелест листьев, в которых запутался сонный ветерок. Я добавлю благоухание стволов кипариса, нагретых за день солнцем, терпкую нотку чабреца и сладкую — дикого меда, не золотистого, но черного... Спи же, и пусть этот сон даст тебе новых сил... [5](#)

4

Дело сделано. Я убираю договор, оборачиваюсь к ней и, широко улыбаясь, медленно переступаю через меловую черту.

— Круг, начерченный освященным мелом, не станет

защищать ту, что запятнала себя договором с нечистым. Теперь ты всецело в моей власти!

Её лицо становится блее моих некогда белых перьев, и я пью её страх, как нектар. Я властвую, я торжествую... И я собираюсь потянуть удовольствие. Она слишком долго безнаказанно куражилась надо мной, чтобы рассчитаться с ней в один вечер. Перешагнув черту, я опускаюсь на колени и с мягким хлопком складываю крылья.

— Не бойся меня. Я не причиню тебе вреда, помнишь? Ты же сама диктовала мне договор, и я связан им по рукам и ногам, — я смиренно развожу руками и наблюдаю из-под ресниц, как она нервно облизывает губы, отчаянно желая поверить моим словам, но слишком напуганная тем, что теперь она осталась без защиты. — Помнишь? Я обещал не прибегать к силе. Ты в безопасности.

— В безопасности? — она не может сдержать смешок. — Тогда докажи слова делом и оставь меня на сегодня! Тебе ведь нечего больше мне показать и рассказать нечего? Тогда оставь меня и дай подумать над собственной глупостью!

— Я уйду, непременно, — спокойно соглашаюсь я. — Но не раньше, чем поцелую твою руку на прощание. Ты все это время ограждала себя от моих притязаний, неужели ты откажешь мне в такой малости?

Она колеблется, но боится отказать. Не слишком верит в силу договора, надеется, что если уступить, я уйду... и нехотя протягивает руку.

Я решаю, что она уже достаточно напугана, и ограничусь поцелуем. [36](#)

Я воспользуюсь любовной магией, чтобы она осознала свою глупость. [51](#)

Ей удалось меня рассердить, и не раз. Поцелуй оста-

вит на ней печать ада. [51](#)

5

К весне мы становимся не то чтоб друзьями, но вполне можно назвать приятелями. По крайней мере, спорим и поддеваем мы друг друга вполне на равных — и я начинаю находить удовольствие в подобных беззлобных перепалках. А ведь раньше взвизвался всякий раз, когда кто-то пытался мне перечить. Зачем? В аду мы спорили, бичуя и проклиная соперника, а здесь...

— Слушай, ну это же подлинные мемуары! Здесь написано, что они действительно доставляли почту за две недели!

— А я тебе говорю, что на одно письмо, доставленное в две недели, приходился десяток тех, что шли месяцами! Прибавь к ним пару оброненных в дороге, одно съеденное мышами и пару раскисших под дождем, а потом уже и заявляй, что во времена Наполеона почта была надежнее!

— Ах ты!.. Ты!.. — не находя аргументов, она хватается с кровати подушку и пытается огреть меня по голове, но я легко уворачиваюсь, да еще успеваю поддержать её под локоть, чтоб не упала. — Ой!..

Я вдруг понимаю, что впервые с того злополучного вечера, когда я пытался взять её силой, мы стоим так близко и касаемся друг друга... Голова кружится, и я, почти не осознавая, что делаю, порывисто поднимаю её руку к лицу и касаюсь губами кончиков пальцев — в ответ на моё прикосновение её аура на мгновение вспыхивает пожаром, но она тут же выдергивает ладонь.

— Опять твои штучки? — сердито спрашивает она, но в её голосе почему-то прорезаются жалобные нотки.

— Нет. Никакой магии, клянусь!

Она смотрит мне прямо в глаза.

— Я верю тебе, Данте. Снова верю.

Мы прощаемся, будто бы ничего не случилось. И во время следующего визита...

... я дарю ей крылья. [98](#)

... я приглашаю ее на вальс в поднебесье. [33](#)

6

Она же женщина! А все женщины падки до сладко-нежно-красивого! Как бы она ни распиналась насчет того, что обман ей претит, она не сможет устоять перед подобным соблазном, мне нужно лишь приложить немножко больше усилий, чем обычно...

— Послушай... — вкрадчиво начинаю я. — Взгляни за окно, посмотри, как прекрасна эта луна... Я мог бы подарить тебе крылья — и мы с тобой отправимся на прогулку. Захочешь, будем гулять по проводам и есть мороженое со вкусом звездного света. Захочешь, мы полетим в леса и посмотрим, как спят в траве олени и дремлют белки в гнездах. Захочешь — и мы поднимемся в небо так высоко, что огни города покажутся тебе далеким созвездием, а Млечный путь станет ярко освещенным проспектом неведомого города... Все это будет твоим, стоит лишь только пожелать...

Она молча слушает, глядя прямо мне в глаза, и я чувствую, что мои слова тонут в презрительном молчании, которым она от меня отгородилась.

— Ты по-прежнему лжешь, падший, — наконец, выговаривает она. — Твои глаза все так же холодны, и ты твердишь слова, как заученный урок. Готова поспорить ты даже не сам придумал эту прочувствованную речь, слишком гладко ты её произносишь, в тебе не чувствуется даже гордости за умело сложенные друг с другом

слова. Ангел по вызову. Мечта дур, с радостью обманывающих себя, лишь бы хоть на минуту забыть о том, что не найдется ничтожества, готового разделить с ними их одиночество... [87](#)

7

Она машет рукой, не оборачиваясь:

— Чего стучишь? Заходи давай!

Я не спешу воспользоваться приглашением:

— Слушай... Мне бы полотенце... А лучше два.

— ЧТО?!

Через пять минут я уже сижу, закутанный во все имевшиеся в доме махровые тряпки, кроме, пожалуй, половых, даже халата не пожалела. Я держу в руках насильно всученную кружку, в которой плещется совершенно адская смесь меда, имбиря и перца, и тихонько думаю, куда б это выплеснуть, а она тем временем по перышку вытирает мои крылья и сушит их феном.

— Слушай, тебя как угораздило-то? Где твоя ангельская магия, Данте?

— Во-первых, я огненный ангел без году неделя... Кто ж знал, что мы так чувствительны к дождю! Во-вторых, — я сменяю мрачный тон назидательным. — Если каждый ангел начнет останавливать дождь по собственной прихоти, то это нарушит равновесие мира. А в-третьих...

— Что в-третьих?

Я встряхиваюсь, брызги и полотенца летят во все стороны, и на мне ни остается ни одной капли. И ни одной нитки. Воспользовавшись её изумлением, я роняю её на кровать и начинаю покрывать шею поцелуями.

— А в-третьих, мне просто хотелось тебя подловить. Ну и чтоб ты за мной немножко поухаживала —

тоже хотелось!

Она смеется:

— Вроде переродился, а как был хитрюга, так и остался! Имей в виду, Данте, стены сам отмывать будешь! Ручками, никакой магии!

КОНЕЦ.

8

Жеманная кривляка. Уверенная в своей неотразимости, она врет каждым словом, каждым жестом, выдавая себя за то, чем не была и не станет. Ничтожество. Зачем я вообще с ней цацкаюсь? Зачем трачу силы, когда могу прекратить все в один миг? Мои пальцы обхватывают её шею, когти прочерчивают в коже кровоточащие бороздки. Еще чуть-чуть... Чуть сжать — и хруст костей объявит, что все кончено... Но я отпускаю её. Отпускаю одну, потому что перед моим внутренним взором встает лицо другой. И её взгляд снова сочтется презрением. Нестерпимым презрением и жалостью — и мои руки разжимаются.

— Я разрываю договор,— хрипло выдавливаю я.— Катись в ад сама, если хочешь, я тебе помогать не стану...

Я знаю, Анжела выживет, я лишь напугал её, но не ранил. Может быть, она даже извлечет какой-то урок из нашей встречи и вернет себе прежнее имя... Но меня это уже не касается. Я лечу к той, чей образ не оставляет меня, отравляя жизнь. Лечу мстить. [96](#)

9

В этот раз я жду удара и готов его принять. Хлыст со свистом обматывается вокруг руки, и я уже даже не чувствую боли. Я выдергиваю бич из рук опешившей Астарты и рву на части. Это оказалось неожиданно

просто...

— Слушай, Астарта. Я всего лишь прошу сказать, что со мной происходит! И платить за это шкурой я не собираюсь! Ответь — и я уйду!

Я вижу, как на её лице борются противоречивые чувства, но в конце концов она решается.

— Чтобы получить это клеймо, ты должен был подписать договор на равных, расписавшись ихором так же, как твоя жертва — кровью... Такой договор нельзя ни переписать, ни нарушить, за его выполнением следит то, что было создано прежде ангелов...

Она смотрит мне прямо в лицо и расплывается в дьявольской ухмылке:

— Семя дало всходы... Как же давно у меня не было врага мне по силам! Если сможешь исполнить договор — приходи снова, Данте, и тогда я с радостью убью тебя или паду перед тобой. А сейчас — уходи и не являйся, пока на тебе лежит клеймо. И не жди от меня больше ни помощи, ни пощады. [84](#)

10

Сомнение пробегает по его лицу, но он тут же заливается краской, сообразив, что я над ним насмехаюсь.

— Пади, грешник!

— Куда уж ниже...— ворчу я, уклоняясь от бестолкового удара и придавая ускорение пинком. — Нет бы пропустить с миром, я спешу, вообще-то... [63](#)

II

Я обещал не пользоваться магией, чтобы склонить её к выполнению договора. Я поставил подпись собственным ихором, нарушив все неписанные — и все же нерушимые — правила Преисподней, истинные правила,

а не те, что мы выдаем людям за истину. И расплата не заставляет долго ждать. С первыми же словами произносимых заклинаний мою руку охватывает незримое пламя... но мне наплевать. Я хочу лишь два слова, два слова, ставшие для меня единственной целью и опорой в жизни. Я не уйду, не услышав их.

Заклинание сплетено, и я обрушиваю его на нее, связывая, укрощая, подчиняя, ломая волю, превращая в марионетку в моих руках. Я чувствую токи ее крови, осязаю биение ее сердца, я становлюсь её и растворяюсь в ней — такова магия абсолютного подчинения. Полное единение. Даже более, чем абсолютное, ни одно существо не способно осознавать себя в подобной полноте, видя одновременно и изнутри, и со стороны... Я вдыхаю ее легкими, чтобы выдохнуть нужные слова — но неведомая сила вышвыривает меня из ее тела. Чуждая, непонятная магия невероятной силы. Та же сила, что терзала меня, пытаюсь остановить, защищает ее, воздвигая между нами барьер неодолимой мощи...

Я бьюсь в барьер. Бьюсь с отчаянием мотылька, что летит на свет горячей лампы и сгорает, влекомый гибельным желанием. За барьером — она. Кричит. Безумие слишком сильно, я не сразу понимаю смысл её слов...

— Рука! Данте! Твоя рука! Остановись!!

Я, наконец, бросаю взгляд на свою руку. Она черна и мертва до самого плеча — сгорела в уголь. Не веря глазам, я касаюсь её, и она рассыпается прахом, но на обрубке мрачным огнем рдеет то же клеймо. Или оно изменилось? Рубленные линии как будто сдвинулись, сияясь стать цельным символом — но смысл знака по-прежнему ускользает от меня. Я поднимаюсь, чтобы снова броситься вперед, понимая, что этот рывок станет гибельным, что печать начнет жечь уже сердце... но

что-то в ее взгляде останавливает меня. Слишком много сил потеряно. Слишком много крови пролито. И все — ради пепла и золы. Я недостоин ничего. Даже лжи из милосердия. Даже лжи. 65

12

Проходит несколько дней и ночей, но я не тороплюсь возвращаться к ней, ведь мне нечего ей принести, а поначалу лучше все-таки соблюдать хотя бы букву договора, я и так наломал немало дров. Да и дела я совсем запустил. В эту ночь я спускаюсь к Анжеле, обычной дурочке, имя которым — легион. Стандартный договор: я подписался быть её любовником до самой её смерти, но ей даже в голову не пришло, что она может умереть и не от старости... После подписания договора она сменила имя, это пустоголовое создание считает, что так будет романтичнее! Я ангел, она Анжела... Я расточаю ласки и комплименты, и раздумываю, кому бы приказать избавить меня от этой доуки. Я не люблю убивать своими руками, так почему бы не перепоручить грязную работу тому, кому она придется по душе? Гремлин с удовольствием испортит любой механизм, саламандра устроит пожар, русалки тоже будут рады новой подружке...

— О чем ты думаешь? — капризный голосок возвращает меня к реальности. — Ты сегодня как будто сам не свой... У тебя что, появилась другая? Даже не думай, ангел, я ни-ко-му тебя не отдам! Я продала тебе душу, так что не смей смотреть ни на кого, кроме меня! К тому же, разве ты меня не любишь? Ты каждый раз твердишь мне, как я прекрасна, как желанна... Зачем ты вообще улетаешь по утрам? Оставайся со мной!

Я понимаю, что не могу больше терпеть это ничтожество рядом с собой. 8

Я ссылаюсь на усталость, прошу прощения и покорно выслушиваю ее нытье. [97](#)

13

Иногда я прилетаю, чтобы оставить рядом небольшой подарок: резную статуэтку из камня или дерева, браслет, сплетенный из гривы единорога, табличку с выжженным на ней узором. Она не притронулась ни к чему — и я забираю их обратно, но письмо неизменно оставляю на месте. [57](#)

14

Я хохотал, пока она не захлопнула ноутбук.

— Нет, ты все-таки поразительная сволочь! — я все-таки вывел её из себя.

— А ты поразительно глупа! По-твоему, вот эта девчонка в самом деле хорошо изображает падшего? Ты считаешь, её красота превосходит ангельскую? Благоговеешь перед её силой? По-твоему, она страшна? [90](#)

15

От её слов подо мной словно снова разверзается пропасть, в которую я когда-то пал с небес. Презираю? Да, конечно, я её презираю, как и весь род человеческий! Но как она может с такой легкостью отвергать то, что до сих пор давало опору не только моим жертвам, но пожалуй, и мне самому? Она с непередаваемой легкостью нашла моё уязвимое место и ударила по нему, даже не осознав силы удара. Я ведь и в самом деле больше не способен ничто создавать, со времени падения обманы и мороки стали моим миром, моим естеством... Я с отвращением вспоминаю свой розовый сад: до сих пор мне удавалось убедить себя, что они действительно становятся-

ся темнее, но на самом деле я ведь не продвинулся ни на шаг! Вернусь — выжгу все дотла!

— Может, ты просто улетишь и оставишь меня в покое? — робко предлагает она, и её голос заставляет меня очнуться.— Послушай, если ты не можешь предложить мне хоть что-то настоящее, истинное, неподдельное, то уговорить меня тебе не удастся. Я полагаю, что раз ангелы существуют, то и душа у меня тоже есть, а значит, она стоит хоть немножко дороже, чем дым и зеркала.

На меня вдруг накатывает волна усталости. Она что, издевается? Какой истины она требует от нечисти, от лукавого, от демона? Во тьме нет правды, так чего от меня ждет эта... этот сосуд греха? Хотя... Сосуд греха? Ну конечно! Как я мог забыть о самом простом из решений?

— Я предложу ей романтику. [6](#)

— Я предложу ей наслаждения плоти. [81](#)

16

Усмехнувшись, я чуть взмахиваю крыльями, чтобы взлететь, но меня отбрасывает обратно.

— Не старайся, — её голос слегка подрагивает, но все же звучит достаточно уверенно. Достаточно уверенно, чтобы привести меня в ярость: мало того, что эта смертная сумела себя оградить, так еще и смеется надо мной! — Не старайся, я провела и по стенам, и по потолку. Чувствовала себе полной дурой, но похоже, зря...

Мне приходится смириться с тем, что по крайней мере этим вечером я не смогу сдвинуться ни на шаг вперед, если только она сама не сотрет линию или не выйдет за нее. [20](#)

17

С моих пальцев срываются языки лазурного пламени, огня, словно бы рожденного не солнцем, а луной. Синее пламя — единственное, что может противостоять магии ангелов, и оно же обладает силой ранить их, но сегодня я так неистово жажду разрушения, что презираю осторожность. Я мечусь по саду, бросая в растущие с каждым мгновением костры пригоршни смятых лепестков, я пролетаю сквозь столбы пламени, не заботясь о том, что оно опаляет меня, что мое тело не успевает исцелять ожоги, что мне становится все тяжелее лететь: слишком много перьев похищено огнем...

Меня спасает лишь то, что призраки горят хоть и ярко, но быстро, и вместе с последним розовым лепестком исчезает и лишнее пища пламя. Я без сил валюсь в черную пыль и проваливаюсь в забытие... но ненадолго. Способность к самоисцелению не означает дара не чувствовать боль — меня вырывают из забытия острые камни, впившиеся в и без того немилосердно саднящие раны. [66](#)

18

Слова, произнесенные вслух, разрушают окутывающий меня покров невидимости, но я об этом не жалею. В конце концов, зачем скрываться, если я наконец разгадал её тайну? Если она предпочитает женщин, значит, у меня с самого начала не было ни единого шанса, и в том, что она смогла устоять перед моим обаянием, нет ничего удивительного. Остается только пожалеть о собственной глупости и сдуру порушенном саде, перепоручить девочку одной из суккуб и выкинуть эту глупую историю из головы. Меня останавливают простые слова:

— Вообще-то, нет, — она смотрит на меня со спо-

койным презрением. — И часто ты за мной подглядываешь?

Снисходительное высокомерие, звучащее в её голосе, в два счета выводит меня из себя.

— Врешь! — я и не думаю отвечать на её абсурдные обвинения. — Я видел твою ауру, ты не только восхищаешься этими женщинами, но и жаждешь их! — я вдруг осекаюсь, осознав, что отрицая, она говорила правду. Я замолкаю, столкнувшись с очередной загадкой, но и она, похоже, озадачена моими словами.

— Ты прав, — наконец, признает она и продолжает, медленно подбирая слова. — Душой своей я благоговею перед ними, телом своим я поклоняюсь им... В своем восхищении красотой люди не слишком склонны разделять душу и плоть. Так что ты прав. И все же, ты ошибся. [43](#)

19

Ладно, если ей это перо так нужно, пусть забирает, в конце концов, оно не дает ей никакой власти надо мной. Просто меня разозлило то, с какой легкостью эта девчонка обыграла меня в первый же вечер. Но ведь последнее слово все равно будет за мной, так зачем же яриться?

Я все же пытаюсь заставить перо вспыхнуть, но круг из освященного мела не пропускает и магию. Значит, мне придется оставить и мысль о том, чтобы заставить её выйти с помощью чар. Остается рассчитывать лишь на красноречие и обаяние... [42](#)

20

— Откуда ты знала, что я приду? В прошлый раз ты спала, я это точно знаю, я бы раскусил любое притворство!

— В тот раз ты обронил перо, — говорит она и указывает на стену. И только теперь я замечаю, что по ту сторону меловой преграды на стене висит черное перо, оправленное в серебристую рамку. Мое перо! Засунуто в рамочку и выставлено напоказ всем и вся! Она явно не замечает моей реакции и спокойно продолжает:

— Сначала я подумала, что ко мне залетела сова, но когда оно обожгло мне пальцы, то поняла, что это была не птица. Честно говоря, до сих пор я не верила в ангелов, но на всякий случай решила принять меры... Как сейчас понимаю, не зря.

— Я вне себя от того, что она повесила на стену мое перо, как какие-то оленьи рога. 30

— Я понимаю, что сам сплеховал, так что пусть уж все будет, как есть. 19

21

Во сне я действую жестче и решительнее, и вскоре она уже бьется в моих объятиях. Сначала она дрожит от страха, но вскоре отторжение сменяется страстью. Она просит и молит, чтобы я безраздельно владел ей, взял всю без остатка... Я охотно выполняю её просьбу, ведь в конце концов, именно для этого я ей и явился. Она восторгается наслаждением, что я ей дарю, упивается своим падением, не осознавая его, и я разделяю её восторг, ведь моя охота завершена и завершена удачно...

Но тут она протягивает ко мне руку и гладит по щеке. Я вижу в её глазах слезы, когда она шепчет:

— Я всегда буду с тобой... Я разделю твое одиночество...

Я хочу расхохотаться ей в лицо, крикнуть ей, что она обманывается, мне никто не нужен, и уж тем более мне не нужна жалость смертной — но просыпаюсь. 64

22

— Я написал эту картину после того, как ты отвергла меня, — я понижаю голос до вкрадчивого шепота, позволяю ему дрогнуть. — Она отражает то, что происходило в моей душе... Посмотри, что ты со мной сделала, смертная, ты сумела сломить падшего ангела...

Она недоверчиво хмурится и снова бросает взгляд на картину — а потом швыряет ее через меловую линию мне в лицо, острый угол рамы прочерчивает на моей щеке царапину.

— Ты снова лжешь, Данте, — хлестко и веско цедит она. — С твоими когтями и кисти-то в руках не удержать. Ты украл её? Надеялся меня разжалобить? Да, это талантливейшая работа из всех, что я видела, и мне искренне жаль того, кто выплеснул на этот холст свое отчаяние — но это был не ты, падший. Убирайся, оставь меня в покое!

Я досадливо смаргиваю накатившую злость. Зачем я все испортил, ведь так все хорошо начиналось? Нет, потянуло опять на обычные проверенные сказочки, хотя мог бы понять уже, что на нее это не действует. Я выпрямляюсь и и смотрю ей прямо в глаза:

— Ты права, это не моя картина. Извини, — я с трудом, через силу выдавливаю непривычное слово. — Но в каком-то смысле она и моя. И это в самом деле именно моё отчаяние, пусть и не я перенес его на холст! Послушай, я говорю правду, ты все узнаешь, если согласишься меня выслушать! 40

23

Она пытается сопротивляться, не желая признать своё поражение, не сдаваясь до конца. Царапается, кусается, бестолково стучит кулаками по чему попало... Я собираюсь отвесить ей пощечину, чтоб прекратила

это дурацкое мельтешение, но тут боль в руке становится такой сильной, что я уже не могу её игнорировать. Я бросаю взгляд на свою ладонь — и цепенею в недоумении.

Ладонь прорезает множество свежих ран, будто выжженных раскаленным металлом. Хаотичные изломанные линии словно бы стремятся сложиться в какой-то смутно знакомый символ, но смысл начертанного ускользает от меня. Изумленный, я отшатываюсь и даю ей возможность выскользнуть. Она пользуется этим, чтобы подбежать к двери, но та оказывается запертой. Правильно, у меня не было настроения долго играть в кошки-мышки...

Я машинально делаю шаг, чтобы снова её схватить — и от вспышки боли темнеет в глазах. Я смотрю на ладонь сквозь сгущающуюся перед глазами черноту, и вижу, как раны становятся шире и глубже... Что происходит? Да, я нарушаю договор, но мне еще никогда не приходилось слышать, чтоб падшего настигало возмездие за подобное самоуправство... Ведь договор — это лишь уловка. Он не связывает нас обязательствами, только людей! Или?..

Морщась от боли, я вызываю свиток из межмирья и разворачиваю его.

Поверх двух пятен — крови и ихора — светится тот же самый изломанный знак. Что он значит?.. Что за силы я вызвал к жизни, так беспечно отмахнувшись от правил ада? Ясно только одно, сейчас мне договор нарушить не удастся. Разве что пожертвовав рукой... Но я еще не настолько обезумел. В который раз мне приходится улетать из этого дома, не получив того, за чем приходил? Сколько еще будет продолжаться это унижение? Мне нужно знание. Нужны ответы.

Я взываю к стихиям, я вопрошаю о разгадке эле-

менталей. [41](#)

Я лечу напрямик к одной из старших демониц. К Астарте. [89](#)

24

Проскользнув в печально знакомую комнату, я с досадой убеждаюсь, что ограда не только цела, но и укреплена еще парой кругов, а она снова полулежит на кровати и листает журнал. Ничем не выдавая своего присутствия, я бесплотным призраком подкрадываюсь поближе, чтобы заглянуть ей через плечо. Что она такое читает, что ее аура полыхает всеми оттенками? Красный — любовь и страсть, белый — восхищение и почитание, синий — глубокое уважение, и среди всего этого невыносимого для падших великолепия чистых эмоций предательски мелькают оранжевые язычки плотского желания. К своему удивлению, я обнаруживаю, что страницы испещрены изображениями женщин, одетых то по-мужски, то в некие странные, иногда даже гротескные наряды... Я снова перевожу взгляд на её ауру, дабы убедиться, что мне не показалось, и не сдержавшись, спрашиваю:

— Так ты вожделеешь женщин? [18](#)

— Кто это? [54](#)

25

— Мой сад, — просто отвечаю я. — Мой сад, каким он стал после того, как я с тобой познакомился. Раньше он был усажен черными розами, а теперь там остались лишь эти камни.

— Только не говорю, что мой отказ привел тебя в такое отчаяние, что ты воздвиг памятник собственному горю, — она кривится в саркастической усмешке, явно не

веря ни одному моему слову.— Можно подумать, тебя первый раз гонят!

— Не первый,— признаю я.— Но тогда ты нечаянно сказала истину, хотя сама едва ли это осознала... И со мной что-то произошло. Послушай, раз уж тебе понравилось, позволь, я тебе расскажу все как было? 40

26

В ту ночь я был вихрем, был штормом, был бурей. Я врвался к тем, кого знал давно, и к тем, кого еще ни разу не посещал. Врывался затем, чтобы взять то, что никогда не принадлежало мне по праву. Но в этот раз меня не интересовали души, я не заключил ни единого договора. Мне нужно было только одно: ответ. Ответ на вопрос, что жег меня хуже адского пламени.

Я входил незванным гостем в чужие дома, презирая все преграды. Меня не останавливали ни замки, ни робкие (а иногда и яростные) попытки сопротивляться, ни храпящие рядом мужья. Я не помню, сколько женщин я взял в ту ночь, и сколько из них впервые узнали со мной радость плотской любви. Но в конце каждой из них я задал вопрос: «Я красив? Ты жаждешь меня?» И все они отвечали: «Да. Да!»

Ни одна из них не лгала мне... Они все были околдованы мной, хотя в ту ночь я отверг чары. Все они преклонялись предо мной и воцелели меня... Но сколько я ни вопрошал, никакие восхваления не могли перечеркнуть её слова. «Но сам ты уродлив». Сотворенный в истине, обращенный в ложь, я как никто другой распознаю правду. Потому-то я точно знал — она тоже не лгала мне. И её правда сжигала меня живо. Ибо правда у каждого своя, но она изрекла истину... 82

27

— Этот укус не причинил тебе вреда,— пожал плечами, говорю я.— Это просто метка. Печать. Знак другим, что ты — моя добыча...

Она бросает недоуменный взгляд на свою ладонь:

— Но здесь же ничего нет?

Я прищелкиваю пальцами, и на ее коже выступает символ неведомого смертным языка: он гласит «Данте», моё имя. Она вздрагивает, кривится и пытается стереть символ, но тот, конечно, не исчезает.

— Ты увидишь его лишь когда я захочу,— безмятежно поясняю я, исподтишка отслеживая изменения в её ауре, в которой наконец-то проступают отчаяние и осознание собственной беспомощности. Правильно, кому охота почувствовать себя клейменной жертвой? Никому... — но все мои сородичи будут знать, кому ты принадлежишь.

Она молчит, обдумывая мои слова, беспомощно водя пальцами по уже ставшему ей ненавистным клейму, но потом вдруг резко вскидывает голову:

— Они будут знать — и не посмеют меня тронуть?

— Ну... Да... — я не понимаю, к чему она клонит, поэтому говорю как есть. А она вдруг запрокидывает голову и смеётся со звонким облегчением в голосе.

— Какой же ты смешной, Данте! Если тебе так хотелось меня защитить, мог бы просто сказать, а не делать вид, что пытаешься меня запугать!

Её слова настолько абсурдны, что я на мгновение застываю соляным столпом. Защитить? Она что, полная дура? С чего бы мне захотелось ее защищать? С чего... И вдруг я понимаю, что она права. Не вполне, но отчасти. Некая часть меня в самом деле хотела поставить вокруг нее невидимую ограду. Я вдруг понимаю, что мне нестер-

пима мысль о том, что хоть кто-то из тех, кто населяет ад, может завладеть ее душой или телом... Но нет, это не покровительство и не защита, тут же успокаиваю я себя. Просто эта душа — слишком лакомый кусок, чтобы ей делиться, вот я и предпочел облегчить себе жизнь! Так говорю я себе, но я предпочитаю не думать о том, есть ли в моих рассуждениях хоть доля истины... Я предпочитаю просто уйти, исчезнуть, не произнося ни слова больше.

12

28

В своем видении я вижу нас двоих как бы со стороны. Она разметалась на постели, и я бережно укладываю растрепанные пряди, чтобы утром она улыбнулась своему отражению в зеркале. Я легким ветерком дотрагиваюсь до её кожи, рождая сладостные видения... Она не проснется от этих нежных, а порой даже дерзких прикосновений, но они проникнут в её сны и подскажут сюжет. Я не спешу, наполняя её сны жаркими грезами, и её щеки заливаются румянцем...

Что я делаю? Чего жду? Я охотник, а не вздыхающий под окном мальчишка! Но у сна — свои законы, и я наблюдаю за своим двойником с яростным негодованием... и странной завистью, словно он исполнил моё давнее желание, в котором я всегда боялся себе признаться. Нет, это невозможно, это нелепо! Я никогда не жаждал ничего подобного! Я силюсь изменить ход видения — но просыпаюсь. 64

29

— Мне?! Мне не просто надоело, я сыт тобой по горло! Ты его хочешь, этого своего «друга»?! Он тоже лучше меня?! Забудь, поняла?! Ты продала мне душу,

так что не смей смотреть ни на кого, кроме меня! Я никому тебя не отдам! — выкрикнутые слова отзываются в памяти неприятным эхом, словно я их где-то уже слышал... Но я выкидываю эту мысль из головы.

— Я сотру его из книги жизни, слышишь? Сотру из бытия и из твоей памяти, как будто его на свете не было!

— Ты не сможешь... — она по-прежнему находит в себе силы возражать. — В договоре...

— В договоре?! — я раздражаюсь хохотом. — В договоре написано, что я не вправе посягать на души тех, кто тебе дорог, но не на жизнь! Да и знаешь... Мне плевать на договор. Это тоже ложь, девочка, ни один падший никогда не выполнял условий! Если договор составлен слишком искусно, чтоб его можно было обойти, его переписывают! Так что забудь о честной игре, у тебя никогда не было в ней шансов. И сегодня ты будешь моей, не душой, так телом! 94

30

— Верни перо! — мой голос напоминает скорее рык, чем речь. — Если тебе так нужна память о моём визите, я выжгу его на твоём теле! — не помня себя, я припечатываю ладонь к стене. Раздаётся шипение, вверх взвивается вихрь зеленого дыма, а когда я убираю руку, на стене остается четкий отпечаток узкой ладони с длинными когтями.

Она бледнеет, но быстро приходит в себя. Похоже, она вполне доверяет защите меловой преграды и ведь небезосновательно! Однако, спустив пар, я беру себя в руки, если я хочу этим вечером хоть чего-то добиться, пора менять тактику. 42

31

В голове вдруг всплывают странные строки, и я шепчу их ей в ухо:

Руки твои — две хищных лозы,
Что путников ловят во мраке...
Очи твои — две багровых луны,
Истекающих кровью...

— Мило, — равнодушно говорит она, слишком занятая своей игрой. — Но знаешь, мальчик, не покушался бы ты на души тех, кто осенен искрой, они тебе пока не по зубам...

От её слов меня бросает в холод. Холод обиды, ведь она не оценила моих слов. Холод осознания: я снова творил! Эти строки не были воскрешены моей памятью, они явились из ниоткуда... Но мастерство Астарты слишком велико, и волны раскаленной лавы похоти мгновенно растапливают сковавший меня лед.

— Знаешь, Астарта, с тобой мне и райские врата не нужны... — с трудом выдавливаю я древнейший и пошлейший из комплиментов Преисподней. Полагаю, он был украден у людей в день сотворения Ада, и с тех пор падшие так и не озаботились разбавить его хоть чем-то еще.

— Так за чем дело стало? В отличие от райских, мои врата всегда для тебя открыты, — привычно отвечает она, и все заботы окончательно оставляют меня... [86](#)

32

Я все же позволил себе небольшую вольность: заколдовал свиток так, чтобы его нельзя было выкинуть или уничтожить, пока он не будет прочитан. Потом она вольна сделать, что захочет, но я хочу, чтобы она узнала, что я хочу ей сказать. Еще никогда в жизни я не писал

просто то, что думалось, без уловок и прикрас. Писал, едва успевая за бегом собственной мысли — так отчаянно она просилась лечь на пергамент.

Легкий укол магии сообщает мне, что она притронулась к свитку. Возьмет? Нет, смахнула вниз. Ничего, через день он появится на прежнем месте.

Проходят дни, летят недели. Она почти сразу оставила попытки избавиться от свитка и просто оставила его лежать, где есть.

Я пытаюсь сделать хоть что-то, чтобы если завоевать не ее благосклонность, то хотя бы пробудить интерес. [13](#)

Я не осмеливаюсь ничего делать, боясь навредить еще больше, я жду... [57](#)

33

Мы танцуем на радуге. Шаг-поворот-прыжок. Облака разноцветной пыли вздымаются с полос и окрашивают её простое белое платье фантастическим узором. Она смеется...

Мы танцуем на облаке. Нас не смущает дождь, гроза вспышками молний высвечивает её гибкий силуэт, изогнувшийся в моих руках...

Мы танцуем над бездной, на волнах горячего ветра, свистящего над рекой лавы. Она не боится, она доверяет мне, она не слышит, как голоса из бездны вкрадчиво шепчут мне:

— Отбрось её... Сломай. Отвергни, хоть на миг. Утверди над ней свою власть, в танце это так просто... Она так открыта, так незащищена... Она же сама хочет стать твоей жертвой, разве ты не видишь?..

Я качаю головой, подхватываю её на руки и кружу, мы возносимся все выше... Я молчу, и она замечает мое смятение:

— Что случилось?

— Голоса... Голоса из прошлого, голоса из преисподней... Они зовут и искушают меня, и я не знаю, что им возразить. Они говорят правду, вторя моим желаниям, и эта правда смущает меня...

Она хмурится:

— Чем они искушают тебя, Данте?

Я не отвечаю. Я касаюсь ее ушей, открывая их — и она слышит голоса духов. Голоса крепнувшие, голоса ликующие, голоса ранящие... Они видят мою слабость, они видят ее хрупкость, они слишком хорошо меня знают...

— Летим отсюда... — я почти прошу ее. — Летим, тебе не нужно это слышать...

Она качает головой:

— Это их правда, Данте... Они в нее верят, и только это делает ее правдой... А знаешь, что я тебе скажу? Нет величия в том, чтоб возвыситься над слабой... Истинная сила в том, чтоб поднять её с собой...

И ее простые слова заставляют голоса умолкнуть. **35**

34

Я чувствую, как дрожит ее рука, и мстительность берет верх. Я не хочу ждать ни мига, даже тех считанных мгновений, до минуты, когда договор будет скреплен кровью. Сдавить, стиснуть руку так, чтоб кровь брызнула из-под ногтей — вот, чего я жажду... но мне все-таки удастся овладеть собой. И все же я не отказываю себе в удовольствии вонзить коготь довольно глубоко в ее ладонь, увидеть боль, гнев и страх на ее лице. Я с силой припечатываю окровавленную пятерню поверх своего отпечатка, а потом, не без сожаления, приказываю ее ране затянуться: еще одно правило. Когда она вырывает

у меня руку, спеша укрыть ее под защитой круга, на ней не остается даже следов крови. Но дело сделано. **4**

35

После того раза у нас появился маленький странный ритуал: каждый раз, прощаясь, я тихонько брал её руку в ладони и подносил к губам. Она не возражала, но и той яркой вспышки первого раза больше не было: она словно отдавала мне некую дань, без охоты, но и без сопротивления. Дни снова побежали вперед бесконечной вереницей, и я словно бы снова обрел некое шаткое равновесие в мире, который столько раз уходил у меня из-под ног. Я так преуспел в искусстве самообмана, что заставил себя забыть о самом важном: вереница дней не была бесконечной. Близился срок, о котором мы никогда не говорили вслух. Близился неумолимо и неизбежно.

— Может, завтра пораньше прилетишь? Мы ведь больше не увидимся...

Эти слова обрушиваются на меня ударом из тех, после которых не то что теряешь дар речи — попросту забываешь, что когда-то умел дышать и говорить.

— Завтра?... — наконец выдавливаю я.

— Ты забыл? — она искренне удивлена. — Данте, срок договора истекает завтра. Мне, конечно, будет недоставать бесед с тобой, но я думаю, в итоге все обернулось к лучшему. Ты вернешься в свой мир, а я — к своим делам... — она подходит ко мне и крепко обнимает. — Пожалуй, я даже буду скучать. Но это был не такой уж плохой год...

Я, почти не чувствуя рук, отвечаю на её объятие. На какое-то мгновение мне кажется, что я превратился в камень — холодный и бесчувственный. Но тут по моим жилам пробегает огонь — и я оживаю. Оживаю, чтобы

мертвой хваткой, до боли, впиться в её плечи. Чтобы выдохнуть отчаянный вопрос:

— Но почему?!

Легкая, пока лишь предостерегающая вспышка боли заставляет меня разжать пальцы. Она прижимает ладонь к моей щеке и сочувственно смотрит прямо в глаза:

— Ты так ничего и не понял, Данте... Ты так сильно изменился. Ты научился создавать новое, научился думать не только о себе — и это прекрасно. Но ты так и не нашел себя, Данте, неужели ты сам этого не чувствуешь? Я не упрекаю тебя за это, я вижу, как ты истерзан и измучен, тебе был необходим покой... Но сейчас в тебе нет той силы, без которой невозможна истинная красота. Силы идти вперед и жить в согласии с собой. Тебе просто не хватило времени, Данте... Прости, но я не буду тебе лгать. Ты не исполнил договор, ангел, и завтра ты должен будешь покинуть меня навсегда.

Она говорит правду. Она снова клеймит меня истинной. И это сводит меня с ума!

Я умоляю её взять свои слова назад. 2

Я использую магию, чтобы подчинить её. 11

Я пытаю её, чтобы вырвать у нее заветные слова. 99

36

— Но потом ты уйдешь?

— Уйду, если ты захочешь, — я не трачу время на споры, когда можно действовать. Мягко взять чуть подрагивающую руку в ладони, тихо поднести к лицу, согреть кожу дыханием... и наконец приникнуть губами. Я слышу, как она с облегчением выдыхает. Ну да, ничего особенного, всего лишь милый поцелуй, пожалуй, неотличимый от человеческого. Я нежножимаю её руку, прежде чем выпустить ладонь.

Она подносит руку к лицу и недоверчиво рассматривает.

— Следов нет, не переживай, — со смешком говорю я. — Ну что, убедилась, что мне можно доверять?

Она бледно улыбается:

— Пожалуй...

Я не собираюсь тратить больше время, я просто исчезаю с ее глаз, оставляя ее в недоумении и страхе. По крайней мере, именно так я объясняю себе свой поступок. Но я не уверен, что на самом деле мной не руководило нечто иное... Я ловлю себя на том, что потираю свои ладони — они словно до сих пор ощущают тепло ее руки... 12

37

Камни не драгоценные, но подобраны явно со вкусом и знанием дела: друзы хрусталя и аметиста, пластины агата и яшмы — и большой обломок белого мрамора. Я прохожу мимо него раз и другой, но искушение оказывается неожиданно сильным — я беру камень в руки и когтем откалываю от него кусочек. Потом другой... Нет, они тут явно лишние! Я усаживаюсь поудобнее и принимаюсь за дело всерьез. Мне не нужны инструменты, в отличие от людей, я вполне способен лепить мрамор, как глину. Я отсекаю, шлифую, прорежаю завитки... И вот уже из камня высовывается изящная головка огненной ящерицы. Саламандра получилась как живая — беззаботная и любопытная зверушка, то ли выскочит, то ли нырнет обратно в камень. Я с удовольствием рассматриваю дело рук своих, забыв, зачем я вообще сюда явился... Но тут раздаётся хлопок двери. Я уже через стену чувствую, что она не одна и бездумно стискиваю кулаки... Каменная крошка брызжет между

пальцами, крохотная головка ящерицы со стуком падает на пол, но я даже не достаиваю её взглядом. 70

38

Над землей сгущаются сумерки, когда я тихо приближаюсь к её окну, стараясь не потревожить нечаянным отблеском тех, кто уже спит. Заглядываю внутрь: она сидит, отвернувшись от окна, вперила взгляд куда-то в стену... Вот и прекрасно! Я решительно шагаю внутрь, распаиваю крылья во всю ширь, озаряя комнату яркими огненными сполохами — и не успеваю увернуться от подушки, прилетевшей мне прямо в нос. Она вскакивает со стула, как ужаленная, подбегает ко мне и начинает бить кулаками по груди:

— Мерзавец! Скотина! Сволочь! Как ты мог! Я так перепугалась!.. — она раздражается рыданиями, я мягко обнимаю её и держу, пока она не успокаивается настолько, что снова может говорить. — Твоё перо... Оно вспыхнуло и сгорело без следа! Я была уверена, что ты погиб! Что тебя убили где-то там в вашей преисподней! Я...

— Я в самом деле погиб, — тихо отвечаю я, снимая губами слезы с её щек. — Прежнего Данте больше нет, он сгорел, чтобы стать тем, кем я стал сейчас — огненным ангелом. Я понял, я наконец-то понял, что ты мне говорила когда-то. Мало бросить миру вызов и разрушить правила, нужно изменить их, изменив себя. Став пламенем, я наконец-то обрел то, чего жаждал — свободу без зыбкости, правила без постулатов...

— И красоту без изъяна... — с улыбкой кивает она. — Ты прекрасен, Данте. Я говорю это от души, и от сердца.

Я чувствую жар во вновь обретенной руке и поднимаю ладонь. Она повторяет мой жест, и наши пальцы переплетаются, а над сомкнутыми руками вспыхивает

символ: изломанные линии наконец-то встают на место, обрисовывая древнейший знак — солнце.

— Договор исполнен... И теперь я могу забрать твою душу.

— Можешь, — бестрепетно кивает она. — Можешь, но не должен. И ты этого не сделаешь, Данте.

— Не сделаю. Огню не нужны души...

Она вздыхает и прижимается к моей груди.

— Огонь... Огонь, что пожирает бесценные свитки и согревает в ночи.

— Огонь. Огонь вдохновения, что заставляет поэтов писать ночи напролет, и огонь алчности, что лишает людей разума.

Она вдруг поднимает на меня смеющиеся глаза:

— А как насчет огня, что горит в чреслах любовников?

Я подхватываю её на руки и целую.

— И этот тоже...

Мы не торопимся. Мы ждали так долго, что лишние минуты не решат уже ничего... Каждое движение, каждое прикосновение тянется и плавится золотистым медом. Мягко откинуть прядки волос в сторону, провести губами по бровям, по векам, почувствовать, как ее пальцы на моих плечах ответно вздрагивают на каждое касание. В ее ауре вспыхивают первые золотистые искорки желания, и я прикасаюсь к каждой, подкармливая жадное пламя своей магией. Она быстро понимает, что я делаю, но не протестует. В кои-то веки я дарю наслаждение не для того, чтобы вытребовать что-то взамен — и она это понимает, и признает мое превосходство, но не свое поражение. Её руки и губы плетут на моем теле свой узор, отличный от моего, но по-своему прекрасный.

Огонь разгорается быстро. Прикосновения и поце-

луи сменяются царапинами и укусами, она не уже не просит ласк, она их требует. Одежда разлетается вокруг палой листвой — и она вдруг хохочет, опьяненная без вина:

— Летим, Данте! Летим в небо!

Наступит ли то время, когда она перестанет меня удивлять? Я мешкаю с ответом:

— Но там же снег...

— Данте, ты ангел! Ты пламя! Летим, Данте, ты сможешь согреть нас обоих!

И мы вылетаем в ночь, словно живая шаровая молния. Снежинки обжигают кожу острыми уколами, но не холодят. Мы поднимаемся все выше, пока кончики ее волос не начинают индеветь, и она, дурачась, кладет их мне на грудь, и снимает губами капли талой воды.

— Я знала, что ты нас защитишь... Я буду твоей, Данте, а ты — моим.

И мы сливаемся в одно целое, два языка пламени, ставшие костром, яркая вспышка метеорита под сыплющим снежными хлопьями небом. В огне все едино, здесь нет победителей и проигравших, нет охотников и жертв. Мы дарим и берем, мы ведем и ведомы. И в миг, когда пламя вспыхивает ярче всего, мы падаем вниз, неустойчиво и неостановимо, поскольку даже мне не удастся в этот миг владеть своей магией... Мы падаем, но это не то падение, что я пережил когда-то. Этот путь ведет не в ад, а на небеса... Я распахиваю крылья за миг до удара, и она смеется.

— Спасибо, Данте...

Позже, много позже мы лежим в одной постели. Она спит, а я приподнявшись на локте, люблюсь ее лицом. Она хмурится сновидению и вдруг вцепляется в краешек крыла и тянет на себя, словно это одеяло. Я улыбаюсь

и не мешаю ей это делать, просто придвигаюсь поближе. Она чувствует тепло моего крыла и моего тела — и ее дыхание снова становится ровным и спокойным. Я гляжу на нее. Гляжу — и вдруг с моих губ само собой срывается странное слово, значение которого я до сих пор не понимал, но теперь лишь оно кажется единственно верным:

— Любимая...

КОНЕЦ

Бонусная история: [7](#)

39

Я бужу её легким прикосновением, и она открывает глаза, но не пугается, а спрашивает:

— Кто ты? Зачем ты здесь?

— Я пришел, чтобы помочь тебе обрести себя. Взгляни на себя, кто ты сейчас? Девственное полотно, ждущее своего художника. Доверься мне, и я не обману твоих ожиданий. Я не самый обычный живописец, кистями мне служат руки и губы, красками — прикосновения. Штрихи, росчерки... Я расцветчу твоё тело прекраснейшими узорами: цветами страсти, огнями желания. Когда ты поднимешься с ложа, ты больше не будешь серым холстом, но великолепной картиной, истинным шедевром вдохновенного творца. И пусть ничей глаз никогда не увидит мое творение, мы с тобой будем знать правду...

Она улыбается:

— Какое велеречие, лукавый... Но я же вижу, что за твоими словами стоит лишь алчность, в твоих глазах — выжженная пустыня. Ты пришел за моей душой, ведь у тебя нет своей. Прости, но я не готова заплатить такую высокую цену, однако я могла бы разделить твоё одиночество...

Одиночество? О каком одиночестве она говорит? Мне никто не нужен! Я хочу выкрикнуть это ей в лицо — но просыпаюсь. [64](#)

40

Она нехотя кивает, но мне в самом деле удалось её заинтересовать. Она отходит в один из малых кругов и размыкает линию:

— Заходи уж, не сиди там, как ворон-переросток...

Мой рассказ затягивается надолго, хотя я тороплюсь. Я говорю быстро и горячо, словно боюсь, что меня перебьют, но она оказывается терпеливой слушательницей и не перебивает, пока я не договариваю:

— Тогда я полетел к одному одаренному художнику и показал ему во сне свой новый сад: хотел, чтобы он написал картину. Ну и вот она...

— Украл?

— Я честно заплатил! Золотым самородком, саламандры их легко находят, стоит только приказать. Знал ведь наверняка, что ты спросишь...

— И был прав. А теперь объясни, зачем ты принес её мне? И зачем все это рассказал?

Я вспоминаю слова Астарты и решаю перейти к делу. [104](#)

Но я еще не закончил рассказ, я не могу обойти молчанием бал Вельзевула. [45](#)

41

Мне не сразу удастся найти место, где можно обратиться сразу к четырем стихиям. Действующие вулканы не слишком часто стоят на берегу океана, не хотелось мне и устраивать лесной пожар, достаточно сильный, чтобы привлечь высших саламандр: к тому же пожар

может притянуть не только их, а мне бы хотелось сохранить все в тайне. В итоге я не нахожу ничего лучше, как устроиться на крошечном островке дремлющего вулкана посреди океана — и взываю.

Первыми являются сифиды, элементали воздуха, всегда парящие рядом. Я показываю им печать на ладони, но они лишь качают головами: «Нам чужд этот знак». Явившийся из туфа и пепла кобольд также не дает мне подсказки. А вот ундины, стоило мне обратиться к ним с вопросом, отпрянули в страхе и гнев: «Убери! Не смей нас пугать! Не смей угрожать нам!» Мне стоит немало труда убедить их, что я явился не со злом, а лишь с вопросом, но даже успокоившись, они не хотят раскрыть мне, что их так пугает, лишь качают головами и скрываются в волнах.

Что же... Это уже часть ответа. Что враждебно ундинам, любезно саламандрам — и я пробуждаю дремлющий вулкан, чтоб задать вопрос последней стихии, огню. Но жерло исторгает из себя не юркую ящерку, а пламетворного змея. Дракон! Как я мог вызвать дракона? Это никогда не было мне по силам... Похоже, тот и сам не слишком доволен тем, что его потревожили.

— Как ты посмел, Падший? Я не привык подчиняться мелкой сошке! — ревет он, осыпая меня дождем искр. Однако драконы не глупы. Может, ему и хочется со мной расправиться, но сначала он выяснит, что произошло: хотя бы для того, чтобы не попадаться впредь, так что у меня есть шанс... Я вытягиваю руку вперед, и вижу в его глазах мгновенный отблеск понимания.

— Его печать... Пусть и незрелая, но она придает тебе силу и защищает тебя, пока не истечет срок договора... Ты хочешь знать, что это, а, падший? Исполни договор, который ты скрепил этой печатью — узнаешь!

А от меня тебе не выведать ничего! — дракон хохочет, явно довольный тем, что ему удалось отплатить мне за причиненное беспокойство и исчезает в жерле вулкана. Вызвать его вдругорядь я не решаюсь, придется вернуться домой почти ни с чем... [84](#)

42

Я отступаю от линии на пару шагов, чтобы она почувствовала себя в большей безопасности, на моем лице снова играет чарующая ангельская улыбка.

— Разрешешь мне присесть?

— А тебе удобно будет с крыльями? — с сомнением спрашивает она. — У меня нет табуретки... Но если хочешь, садись. Я так понимаю, ты ведь все равно не уйдешь, даже если я тебя попрошу?

— Зачем же меня выгонять? Разве ты не хочешь узнать, зачем я тут?

— Можно подумать, это не очевидно. Раз ты черный ангел, значит, тебе нужна моя душа, иначе не бывает! Сомневаюсь, что подобному существу вдруг просто захотелось залететь ко мне и намекнуть, что пора бы менять обои...

— Мне становится смешно. В самом деле, почему бы и не поменять? [92](#)

— Мне не до игр, я хочу поскорее перейти к делу и заключить с ней договор. [93](#)

43

«Красота». Когда она произносит это слово, меня снова захлестывает волна ярости и досады. Она обозвала меня уродом, и при этом считает красивыми каких-то актрисок? И не врет ведь...

— Расскажи мне о них... — я стараюсь говорить

тихо, почти смиренно. — Объясни мне, что есть красота в твоих глазах? Чем они тебя так привлекли? И кто они такие?

Она недоверчиво смотрит на меня:

— Это актрисы японского театра Такарадзука. Ты что, правда не знаешь? В этом театре все роли исполняют только женщины...

Я качаю головой:

— Я туда не летал, за души японцев идет борьба, в которой у меня нет шансов: сотни богов в буддизме, мириады — в синтоизме... Есть и в Преисподней любители туда наведаться, но я не из их числа.

То ли мне удалось изобразить искренний интерес, то ли у неё давно не было собеседника, но она все же начинает рассказывать, сначала вяло и неохотно, потом с всё большим увлечением.

Она достает из прикроватной тумбочки другие журналы, листает их так, чтоб мне было видно, бесконечно сыплет непривычными именами... и повергает меня все в большее недоумение. Я не вижу ничего особенного в этих женщинах, тем более что в некоторых из них, на мой взгляд, нет и признака красоты — и тем не менее она смотрит на них с искренней любовью... В конце концов, она обрывает собственную речь:

— Тебе ведь неинтересно, да? Может, лучше видео посмотрим? Давай, я включу пьесу про Люцифера, может, хоть это тебя проймет...

Меня хватило на четверть часа, но потом я начал безудержно зевать. [44](#)

Меня в самом деле проняло: после первых же пяти минут я захохотал как безумный. [14](#)

44

Она не стала терпеть, а просто захлопнула ноутбук.

— Слушай, если ты сам напросился на объяснения, то мог бы хотя бы попробовать приложить усилие и вникнуть в замысел!

— Было бы во что вникать... Слушай, смертная, сам Люцифер бы не стал смотреть эту ересь и минуты! Мне тошно смотреть, как эта девчонка корчится, изображая из себя всесильного падшего, не имея ни малейшего представления о том, кого же она на самом деле играет! И уж совсем невозможно представить Денницу влюбленным в смертную! Я покажу тебе, что мы такое! [90](#)

45

Зачем? Прекрасный вопрос, но я не спешу на него отвечать.

— Послушай, потом произошло еще кое-что... — и я рассказываю про бал Вельзевула и про неожиданно пришедшие на ум строки. Она удивленно поднимает брови:

— Ну и образы... Звучит кудряво, была б я дьяволицей, мне, наверно, было б лестно. И как, ей понравилось?

— Как же! Сказала только, чтоб не разевал рот на поэтов, не по силам мне это...

— То есть, она решила, что ты это где-то подслушал? Но разве это так уж важно? Все равно ведь приятно по-своему...

— Слушай, смертная! — непонятно почему, но я начинаю злиться. — У нас вовсе не принято читать стихи и рассыпаться в комплиментах! Если двое хотят друг друга, они просто не теряют время на все эти обихаживания!

— А если кто-то из них не хочет?

— То ей не повезло, — сухо отвечаю я. — Или повез-

ло, если смогла отбиться. Но обычно предпочитают не трепыхаться... Кроме высших демонесс, пожалуй, эти сами берут кого хотят.

— Как Астарта — тебя? — невинно уточняет она.

Когда до меня дошел смысл её слов, у меня потемнело в глазах. Нет, я никогда не считал себя равным Астарте, но опуститься до того, чтоб стать игрушкой для её забав... Именно это я и сделал, и сделал с радостью, теша себя дурной надеждой, что сумел вызвать её восхищение! Но понял это только теперь. И кто раскрыл мне глаза? Опять эта девчонка! Ненавижу... Я докажу тебе, Астарта. Я докажу. Вам обеим!

— Неважно, — наконец выдавливаю я. — Ты же, наверно, по-прежнему задаёшься вопросом, зачем я тебе все это рассказываю? [104](#)

46

Из забытья меня вырывает тележный скрип и голос, в скрипучести вполне способный поспорить с несмазанным колесом.

— Я почувал смерть и пришел сюда... Но я не вижу тела, падший. Не поможешь мне разрешить эту загадку? Я с трудом поднимаюсь и сажусь в пыли.

— Ты ошибся, Анку. Здесь никто не умирал, здесь не было никого, кроме меня...

— Значит, умер именно ты, — упрямо заявляет костистый призрак, сидящий на передке рассохшейся телеги. — Я никогда не ошибаюсь, падший. Я пришел на запах смерти, и этот запах поныне висит в воздухе, смешанный со смрадом боли и отчаяния. Ты умер, падший, но тебе недоступна истинная смерть, потому ты возродился. В любом случае, мне здесь делать нечего...

Он дергает поводья и исчезает во мраке, разгадав

свою загадку, он оставляет меня наедине с новой. Анку поистине не способен на ошибку, он являет собой смерть так же, как я являю собой ложь... [56](#)

47

Я бросаю на усыпанные цветами кусты последний — прощальный — взгляд. Сложный пасс рукой — и цветы начинают сереть, никнуть, увядать... Иллюзию, в которую вложено столько магии, не так-то просто уничтожить: она сопротивляется, будто не желая возвращаться в небытие, из которого возникла. Я со странной горечью гляжу, как тление серым пятном расплзается от меня по саду, словно круги от брошенного в воду камня. Листья скручиваются и опадают, прежде чем рассыпаться прахом, лепестки опадают и истлевают, не успев коснуться земли. Мой мираж не сдается так легко — тихий шорох и шелест наполняют воздух, и в этих звуках мне слышится молящий стон... Что за ерунда? Я разворачиваюсь и ухожу в дом, чтобы не оскорблять больше ни слух, ни взгляд. Возвращаюсь лишь тогда, когда все уже кончено... [66](#)

48

Я молча протягиваю ей над чертой обернутый в холстину прямоугольник, и она осторожно подхватывает мой подарок.

Когда она аккуратно разворачивает картину, из её груди вырывается резкий вздох, и я чувствую, что сгоряча данная клятва больше не связывает меня. Ну что же, выходит, по крайней мере, в этом я был прав... Но что будет дальше? Она не может оторваться от картины, хотя та как будто не столько привлекает её, сколько ужасает.

— Потрясающе... — наконец выдыхает она. — Я не

слишком разбираюсь в живописи, но это что-то невероятное. Эти камни как будто кричат о том, что им больно... Что это?

Я говорю правду. [25](#)

Я предпочитаю солгать. [22](#)

49

С той ночи прошла без малого неделя, меня затянуло в круговорот повседневных дел темного ангела... Но нынче вечером я твердо решил покончить с этой историей, и с этим намерением шагаю из иномирья в её комнату — но вижу, что она не спит. Сидит на кровати, нервно закусив губу, рядом валяется книга, которую она явно выронила, увидев меня. Тем лучше. Я растягиваю губы в соблазнительнейшей улыбке, распахиваю объятия и крылья, делаю шаг вперед... и натываюсь на невидимую преграду. Одного взгляда под ноги хватает, чтобы понять — она обвела кровать мелом. Я...

- попытаюсь найти в преграде слабое место. [16](#)

- попытаюсь разрушить черту. [73](#)

50

Наступает утро, и я лечу домой. Даже у хищных зверей есть логово, так и у падшего ангела есть место, которое он считает своим домом. Мои покои обставлены скромно, но не без вкуса, мне не чужда тяга к красоте. Красоте разрушения. Мой дом украшают картины, испорченные фанатиками, и статуи, разбитые варварами прошлого и современности. Я упиваюсь красотой сломанной, искореженной, истерзанной... в это моя природа, моя суть. Суть черного ангела.

Я выхожу в сад, где растут розы. Моя мечта — вывести розы черного цвета, но пока даже лучшие мои

бутоны окрашены в цвет свернувшейся крови... И все же я не оставляю надежды. Я присаживаюсь в беседке и позволяю краткому забвению сомкнуть мои веки. Мы не нуждаемся в сне, но даже мне иногда хочется покоя.

— И я погружаюсь во тьму без сновидений. [49](#)

— Тем удивительнее, что в этот раз мне снится сон.

[67](#)

51

Она протягивает мне руку ладонью вниз, тонкие пальцы заметно подрагивают. Я нарочито медленно беру ее руку в ладони, это обманчивая медлительность змеи, готовящейся к броску. Главное — не спешить, не торопиться. Я мягко, ласкающе провожу по руке кончиками пальцев, дожидаясь, пока она привыкнет к необычному теплу моего прикосновения, позволит себе чуть успокоиться, расслабиться, убедить себя, что она не загнала себя в смертельную ловушку... Я даже поднимаю на мгновение голову, чтобы поймать её затравленный взгляд, послать ей ласковую улыбку и увидеть, как она едва ли не кивает в ответ — так ей хочется верить, что все будет хорошо — и лишь затем впиваюсь в ее ладонь ядовитым укусом, каленым железом, оставляя на коже багровый ожог. Она вскрикивает и выдергивает руку, а затем с ужасом на побледневшем лице смотрит, как ожог светлеет, бледнеет... и затягивается, не оставляя следа. Я вполне доволен своей небольшой мстостью, но тут она поворачивается ко мне, и от моего удовлетворения не остается и следа: вместо желанного страха меня окатывает волна почти осязаемой ярости.

— Ты низкая подлая тварь! — шипит она, и я с изумлением понимаю, что мне не то что не удалось сбить её с толку, скорее наоборот, уверенность в своей правоте

придала ей сил. — Ты обещал, что не причинишь мне вреда! Пяти минут не прошло, как ты подписал договор, и что я вижу?!

— Ничего? — язвительно отвечаю я вопросом на вопрос: в ехидстве ей меня точно не перещеголять.

— Вот именно! Я вижу перед собой полное ничтожество, и имя ему — Данте! — похоже, мне в самом деле удалось её разозлить...

Я решаю, что на сегодня достаточно, и просто исчезаю, оставив её кусать локти от злости. [12](#)

Я думаю, что неплохо бы поддразнить её еще немного. [27](#)

52

Я не считаю нужным отвечать на её нелепые обвинения, просто медленно и неспешно окидываю ее взглядом. Цепким, липким, раздевающим взглядом, под которым она сразу краснеет, я ясно чувствую ее смущение и неловкость.

— Что пялишься? — резко спрашивает она, но ее грубость играет мне только на руку, я еще яснее понимаю, что она в кои-то веки слишком растеряна, размякла, расслабилась после приятного вечера и совершенно не готова к тому, чтобы дать мне обычный отпор, холодный и гордый. Я поздравляю с тем, что нашел как нельзя более подходящий момент для появления и мягко, с притворной укоризной качаю головой:

— Раз ты запрещаешь мне глядеть на тебя исподтишка, я буду делать это открыто, вот и все, — я подчеркнуто плотоядно усмехаюсь, чувствуя, что ее растерянность нарастает. — Если кошке дано смотреть на короля, то падшему уж точно не воспрещено полюбоваться смертной женщиной, тебе не кажется? Тем более такой, какая

ты сейчас...

— Какая? — она пытается говорить вызывающе, но в голосе звучит неподдельная тревога. Я, не тронувшись с места, протягиваю руку вперед, и она отшатывается, хотя нас разделяет слишком большое расстояние, чтобы я мог до нее дотронуться.

— Прекрасная, как все влюбленные... Разгоряченная поцелуями... Распаленная объятиями... Страсть владеет всем твоим существом, я вижу как полыхает твоя аура, смертная... И знаешь, что? Этот костер может гореть во много раз ярче, если хочешь знать. И сегодня я покажу тебе это не на словах. Сегодня ты будешь моей, не душой, так телом! [94](#)

53

Серф, я доверился тебе, неужели ты заманил меня в ловушку? Я слишком поздно замечаю пылающий протуберанец за своей спиной — он нависает надо мной и обрушивается вниз... Мне не уйти отсюда.

***

Она сидит у окна, напряженно вглядываясь в небо, время от времени бросая взгляды на свою ладонь.

— Он прилетит... Он не может не прилететь! Чтоб он провалился снова, если не прилетит!

Её внимание привлекает яркая вспышка на стене, и она оборачивается. Перо, по-прежнему висящее в рамке, вдруг вспыхивает ярким пламенем. Она вскрикивает и закрывает лицо руками... [38](#)

54

Слова, произнесенные вслух, разрушают окутывающий меня покров невидимости, но я об этом не жалею: наградой мне служит отблеск страха, промелькнувший

в её глазах. Да, ты не так неуязвима в своем круге, как хочешь думать. Пусть я не могу тебя коснуться, но лишить тебя покоя — вполне в моей власти...

— Какое тебе дело до моего чтения, падший? — спрашивает она, на удивление быстро приходя в себя. — Тебе же нужна только моя душа, — язвительно прибавляет она.

— В отличие от высшего я не всеведущ! — огрызаюсь я. — К тому же мне интересно, кто они такие, что смогли пробудить в тебе чувства, которых я, по-твоему, недостоин.

— Да что ты знаешь о моих чувствах!

— Всё, — просто отвечаю я, и она недоверчиво хмурится. — Я вижу твою ауру, смертная. Я вижу, как она разгорается пламенем любви, когда ты смотришь на них, и как она тускнеет, когда ты переводишь взгляд на меня. Я вижу твоё презрение и твою снисходительность... — я не без труда давлу зарождающийся в горле рык уязвленной гордости. — Что ты в них нашла такого, чего нет у меня, смертная?

Она поднимает на меня глаза и с улыбкой роняет всего одно слово:

— Красоту. [43](#)

55

Серафим улыбается:

— Я верю в тебя, Данте. У тебя хватило сил для того, чтобы себя уничтожить, хватит и на то, чтобы создать заново. Я мог бы выбелить твои перья, очистить душу и дать место в раю, но ты не найдешь здесь ни счастья, ни покоя... Твой путь — иной. Лети к солнцу, Данте. Лети к солнцу, что было создано прежде нас, солнцу, которым ты некогда поклялся, сам того не зная... И если ты не сгоришь, то найдешь себя.

Я криво ухмыляюсь и крепко сжимаю его запястье, прежде чем сбросить руку с плеча.

— Спасибо... учитель.

— Лети, Данте. Лети — и живи.

И я лечу. Лечу вслед за солнцем, дерзая догнать светило в его бесконечном беге. Лечу, как не летал никогда. Я пронзаю грозовые тучи, соперничая в быстроте с молниями, я борюсь с ветром, я отчаянно тщу успеть, пока солнце не скрылось за горизонтом — и мало-помалу приближаюсь к цели. Я лечу сквозь палящие лучи, проношусь между вздымающимися языками пламени, мчусь над лавовыми реками, с трудом переводя дыхание в нестерпимом зное, которым встречает меня солнце... Я ищу ответа, но где найти его в этой огненной пустыне? Я не понимаю...

Пламя Солнца губительно для ангелов, и я понимаю, что нужно возвращаться назад. [91](#)

Я лечу вперед, не обращая внимания ни на что. Я верю серафиму. [53](#)

56

Оставшись один, я погружаюсь в глубокое раздумье. Что я сделал? Все, что я создавал до сих пор, было не осязаемой материей, а тканью эфира, принявшей ту или иную форму по моему приказу. Притом я никогда не придумывал своего, я создавал точный двойник некогда увиденного. Но я мог поручиться, что моему взгляду никогда не представало зрелища, подобного тому, что простиралось сейчас передо мной, ни рукотворного, ни созданного природой, ни точного изображения, ни искаженного... Я смотрю на нечаянное творение (да, именно творение!) рук своих, на смятение, воплощенное в каменном хаосе, и чувствую, как мои губы растягива-

ются в хищном оскале. Что бы ни произошло, я сумею извлечь из этого выгоду!

Наступает ночь, и я отправляюсь на поиски. Сегодня мне нужен человек, наделенный истинный талантом, так называемой «божьей искрой», которую мы чуем за версту: она жжет и слепит. Овладеть такой душой почетно, но и тяжело, и уж точно не по силам мне, нечистому из третьего круга. Но мне и не нужна душа этого человека, я хочу лишь воспользоваться его даром, чтобы выковать себе оружие против наглой девчонки, посмевшей бросить мне вызов. Я с не без труда пробирюсь в его сон и делаю все, чтобы он проснулся, одержимый жаждой перенести увиденное в грезах на холст. Через неделю картина будет готова, и я смогу навестить к ней... А сегодня просто загляну и посмотрю, вдруг она нарушила границу? [24](#)

57

Изредка я наблюдаю за ней: издалека, неприметно. Просто смотрю, как она читает или смотрит в экран, и как её лицо озаряется нежной любящей улыбкой. В один из таких вечеров я ловлю себя на том, что и сам улыбаюсь: просто рад тому, что она счастлива. А потом мне на голову опускается первая снежинка... Она поднимает голову и видит мой силуэт, очерченный падающими хлопьями. Устало вздыхает, но серость больше не пятнает её. Теперь я ей просто безразличен. Она открывает окно:

— Заходи. Я прочитаю, что ты там написал... Но ты же не можешь не понимать, что тебе не на что рассчитывать? Раньше-то не на что было...

— Я знаю. Я просто не хотел, чтобы все закончилось вот так. Прочитай, там немного. Да и срок договору уже истек больше, чем наполовину.

Она берет с подоконника припорошенный снегом свиток и читает его. Раз, второй, третий... Я терпеливо жду. Наконец, она поднимает голову.

— Какие странные письма... Красивые, незнакомые — но все равно понятные. И я как будто слышала твой голос, когда читала.

— В энохианском нет слов, только смысл и чувства. Я не смог бы передать написанное ни одним из человеческих языков...

— Так ты поэтому решил обратиться к эпистолярному жанру? — меня почти радует знакомое ехидство в её голосе. По крайней мере, она не прогнала меня сразу, а продолжает говорить.

— Нет, не в этом дело. Просто я был уверен, что слушать меня ты не захочешь.

— И был совершенно прав, — кивает она. — Но знаешь, Данте, я чувствую и вижу, что ты очень изменился за эти полгода. Да, ты по-прежнему тот еще бессовестный наглец, раз то и дело пялился на меня втихушку — и не отпирайся, что ты этого не делал! У меня ладонь покалывало каждый раз, когда ты появлялся рядом, я даже привыкла... И все-таки ты действительно изменился. Если тебе захочется со мной поговорить — прилетай просто так, я не против. А сейчас, если ты замерз, могу тебе чаю налить. Будешь? С медом.

И я остаюсь на чашку чая. Оказывается неплохо, но в следующий раз я уже приношу чай сам — из Удзи, городка в Японии, что так славится своими чаями. В обмен оставляю там одну из своих статуэток, надеюсь, хозяйкам она пришлась по душе, ведь я запечатлел в камне кицунэ — японского демона-оборотня.

И тут я обращаю внимание...

... на то, что ей явно нездоровится. [3](#)

... на старую серебряную ложку, торчащую из сахарницы. [101](#)

58

Я прохожу сквозь оконное стекло, не потревожив его цельность, и останавливаюсь на краю круга, бессильного и бесполезного. Она не глупа, она стерла сложную вязь, некогда опутывавшую всю комнату, оставив лишь одну черту на окне, говорящую без слов: «Тебе здесь нет места, Падший». Я присаживаюсь у её края так, словно бы ничего и не было, словно мы еще даже не начинали наш странный бой без победителя... но слишком быстро понимаю, что ничто не способно пробить ее серый панцирь. Она не пытается делать вид, что меня нет, как личность я для неё в самом деле не существую. Я — трещина на стекле, я — мелкий серый дождь. Мое присутствие нельзя не заметить, она способно подпортить настроение... но не более того. Кто станет говорить с грязной лужей на асфальте? Никто. Мне остается только уйти, но свиток я оставляю на подоконнике. [32](#)

59

В ту ночь бал у Вельзевула становится для меня не отдушиной от забот, а тягостной докучливой обязанностью. Не смея покинуть дворец раньше часа петуха, я неприкаянно брожу по высоким залам, безразлично проходя мимо многочисленных соблазнов, ждущих гостей. Однако в конце концов я пытаюсь найти забвение...

... в зале, наводненном вождедеющими суккубами. [75](#)

... в реке девственной крови. [85](#)

... в покоях, откуда доносятся вопли боли и свист бичей. [103](#)

60

Я лечу, спасаясь от гнева осатаневшей демоницы, вслед мне несутся проклятья и крики той, что когда-то охотно делила со мной кубок и ложе. Кем же я теперь стал? Изгоем и в Аду, как ранее на Небесах? Есть ли мне вообще место хоть где-нибудь в подлунном мире? Я не знаю ответа и не знаю, кого спросить о нем. Я слишком измотан всем случившимся, и мучает меня отнюдь не боль от ударов: раны, нанесенные хлыстом Астарты, заживают быстро, это всего лишь пламя... [84](#)

61

В конце концов я пристраиваюсь под лестницей с бутылкой виски, не заботясь о поисках бокала...

— Кого я вижу? Данте киснет в углу, всеми забытый? Похоже, я чего-то не того хлебнула, раз мне причудилось то, чего быть не может! — я не успеваю даже увидеть обладательницу смеющегося голоса, как её губы уже требовательно прикипают к моим, и в горло мне вливается несколько глотков абсента. Астарта!

Но у меня нет настроения поддерживать игру. [80](#)

Пожалуй, она единственная, кого я действительно рад видеть этим вечером. [68](#)

62

Я обещал не причинять ей вреда и боли — но я и не собираюсь нарушать договор. По крайней мере, пока. Я даже не нарушу собственного слова. Всего лишь еще один поцелуй — в раскрытую ладонь. Но в этот раз вместе с прикосновением я посылаю вперед поток магии. Поток жидкого огня, бегущего по жилам и лишаящего сил. Поток незримого хмеля, туманящего голову. Поток

страсти, волны желания, безудержный шторм экстаза, заключенный в том кратком, но бесконечном мгновении, пока мои губы касались её кожи. И поднимаю глаза, чтобы взглянуть на дело рук своих.

Она омерзительна. Лицо, искаженное животной похотью, бессвязные звуки, рвущиеся с губ, тело, содрогющееся в бесстыдных судорогах... Я смотрю на неё, не понимая, почему же мне казалось, что она наделена некоей силой, что она способна дать мне отпор. Да, она умеет играть словами, и время от времени её стрелы попадали в цель... Но была ли то заслуга лучника или прихоть ветра? Я смотрю на неё с презрением победителя, одержавшего победу столь легкую, что она не приносит ни чести, ни даже мига радости. Я смотрю на неё... и вдруг перестаю верить своим глазам.

Она прекрасна. Лицо, с которого спали все навязанные обществом и ханжескими правилами маски, открытое и совершенное, без тени притворства. В её голосе звучит истинный восторг, она словно поёт всем своим существом, стремясь поведать миру об испытанном наслаждении. Дикая, свободная... нестерпимо чистая в своем желании. Она дрожит, и я чувствую, как её дрожь сообщается мне. Я поспешно отпускаю её руку, почти отбрасываю. Я хотел унижить её, показать своё превосходство — и ведь получилось? Ну получилось же? Или?..

Она наконец восстанавливает дыхание и смотрит мне прямо в глаза:

— Ты опаснее, чем я думала, Данте. Теперь я понимаю, в чем твоя сила... И все-таки — уходи. Уходи прямо сейчас.

Её голос дрожит и прерывается. Я знаю, что если я помедлю, то она почти наверняка передумает и попро-

сит меня остаться... но я ухожу. Я говорю себе: поиграю еще. Слишком рано заканчивать все сейчас, слишком быстро... Но я не уверен, что не лгу себе. [12](#)

63

— Прекратить!!! — громовой голос с неба заставляет нас обоих замереть. Я поднимаю голову и слезящимися от света глазами различаю шестикрылый силуэт. Серафим!

— Ты храбро сражался, дитя моё,— обращается он к младшему ангелу.— А теперь оставь нас, я сам поговорю с этим нечистым...

— Отец мой, позволь мне сражаться с тобой бок о бок!..— порывисто начинает юнец, но серафим твердо обрывает его.

— Дитя. Моё. Я повелел тебе оставить нас!

Обиженно шмыгнув носом, мальчишка улетает, оставив нас, наконец, наедине.

— Садись, Данте. В ногах правды нет...

— Но нет её и выше,— ехидно дополняю я. Появление бывшего учителя вдруг придает мне не только сил, но и злости. Давний спор, старые счеты... Я вспоминаю, как он смотрел мне вслед, когда я камнем летел вниз с небес, и отголоски былой ярости закипают снова.— Ты зачем сюда явился, Серф? Тоже будешь твердить про то, что падшему не место на небесах? Так где мне место, Серф?! Ты не всезнающ, но ты ж у нас мудр и благ!

Он молчит, и я продолжаю, все больше распаляясь от собственных слов:

— Вот скажи мне, велика ли заслуга быть ангелом, а? Вы все тут летаете, светлые и чистые, бренчите на арфах, а что вы сделали, чтоб сюда попасть, а? Вас всех попросту создали такими! Но я был не таков, я пошел наперекор

вашим заповедям и заветам — и что вы сделали? Просто вышвырнули меня вон, чтоб не портил пейзаж!

Он поднимает руку, заставляя меня замолчать.

— Мы не вышвыривали тебя, Данте. Ты хотел свободы, которой нет в Раю — и мы дали её тебе. Ты был волен выбрать любой путь, но отправился напрямик в Ад. Знаешь, почему? Потому что ты и помыслить не смог о том, что может быть иначе. Сменил белую клетку на черную, вот что ты сделал, Данте... Та девушка, она ведь пыталась объяснить тебе, что есть свобода и красота — но ты оказался слишком упрям и глуп, чтобы её услышать! А когда ты был готов слушать, она уже оставила попытки — и её сложно винить.

Он приближается ко мне и кладет руку на плечо.

— Чего ты хочешь, Данте? Совета или помощи? Ты хочешь выбрать свой путь сам или доверишь выбор мне, своему учителю?

Я на мгновение закрываю глаза. Вот он, ответ. Стоит лишь протянуть руку... и с закрытыми глазами принять судьбу, что даст мне серафим? Или же выковать свою судьбу своими руками? И я отвечаю...

— Мне нужен совет. [55](#)

— Помоги мне... [69](#)

64

Когда я просыпаюсь, то вижу, что один из кустов в моем саду уже не черен: его листья, как слезами, покрыты серебристой росой, а лепестки бутонов стали снежно-белыми. Я не верю своим глазам, но они меня не обманывают. Тогда я призываю магию преисподней и через мгновение от сияющего серебром куста остается лишь горстка пепла, но и это не возвращает мне покой... Что со мной?! [49](#)

65

Утро застаёт меня у её окна: я прилетел, чтобы посмотреть на неё в последний раз. Прошлым вечером я бережно уложил её на постель, и она по-прежнему спит, но подушка мокра от слез. Видимо, проснулась и плакала, пока были силы и слезы... Я неслышно проскальзываю внутрь и кладу у изголовья последний подарок: барельеф, на котором изображено её лицо. Разметавшиеся волосы, сомкнутые веки, губы, чуть приоткрывшиеся в неслышном стоне. Прекрасная и свободная, какой я видел её лишь однажды, но запомнил навсегда. Я всю ночь провел, склонившись над камнем, сообщая мрамору её черты с помощью уцелевшей руки и магии... Моя лучшая работа по праву принадлежит ей. А теперь мне пора.

Я вылетаю из окна и расправляю крылья. Впереди трудный путь и последний бой, но если я не отправлюсь в небытие, то получу ответы. Я взмываю ввысь. Вверх, только вверх! Я лечу на Небеса.

— Стой, нечистый! Тебе нет здесь места! — ангел с огненным мечом в руке преграждает мне путь. Я едва достаиваю его взглядом.

— С дороги, птенец! До падения я принадлежал второй сфере, тебе меня не одолеть! Убирайся прочь!

Он вздрагивает, но перехватывает меч крепче и явно готовится к бою. Я вижу в его глазах отчаянную решимость, решимость, которая свойственна только невинности — и останавливаюсь.

— Неужели ты нападешь на убогого? — спрашиваю я, показывая обугленную культю. — И где же твоё всепрощение, светлейший? Я лечу к престолу, дабы оросить его слезами и покаяться, неужели ты заступишь путь заблудшей овце, жаждущей припасть к родной кормушке?

Я вполне искренен в своих словах. 74

Пусть мои слова звучат благочестиво, но раскаяние моё лживо. 10

66

Я обвожу взглядом поле, покрытое черной пылью и пеплом: все, что осталось от сада, что некогда был мне так дорог. Только теперь, когда его нет, я осознаю, что по-своему ценил этот призрак, он не был лишь пустой прихотью и минутной забавой. Вид выжженной равнины причиняет мне странную боль, но я не хочу заполнять пустоту новым мороком. Я срываюсь с места и лечу к ближайшему вулкану.

Подлетев к цели, я зависаю над рекой застывшей лавы — черной и мертвой полосой — и её безжизненность перекликается с пустотой в моем сердце. Едва ли осознавая, что делаю, я вызываю молнии, и они десятками молотов бьют по застывшей глади, вздымая в воздух фонтаны острых осколков. Я парю над вызванным мной хаосом, ожидая, пока все утихнет, а потом начинаю выбирать осколки. Я поднимаю магией целое облако глыб и пыли, камней и валунов — и уношу с собой. Мне тяжело, мне тем тяжелее, что я и без того израсходовал слишком много сил... Но мной овладевает некая прежде неведомая мне одержимость — и я не замечаю собственного изнеможения.

Вернувшись на место, я принимаюсь за дело. Сперва выстилаю поле мелкой крошкой, где гуще, где тоньше, покрывая его словно бы песчаной зыбью, потом настает черед камней побольше. Несколько из них я просто обрушиваю с высоты вниз, позволяя осколкам разлететься веером в стороны: пусть лягут сами. Другие я аккуратно укладываю в междурядья разбрызгавшихся по земле каменных стрел. Наконец доходит и до колонн,

многие из которых превосходят меня размером. Я долго кружу над полем, выбирая место каждой: одни я заставляю вращаться в камень прямо, другие кренятся, грозя столь же неминуемым, сколь и невозможным падением, третьи лежат на земле, целые, или расколотые пополам. Наконец я окидываю взглядом преобразившееся и поле и понимаю, что терзавшее меня отчаяние ушло: излилось наружу, застыв в этом странном нагромождении изломанного камня.

Меня будит:

- скрип тележных колес. [46](#)
- тонкий переливчатый голосок. [79](#)

67

Мне снится сон. Сон о той, чью душу я не забрал сегодня. Но в видении все происходит иначе:

- я проникаю в её сны. [28](#)
- я пытаюсь поразить её красноречием. [39](#)
- я беру её силой. [21](#)

68

— Фух, Астарта! Ну и шуточки у тебя! — её нельзя назвать верной подругой, ведь мы живем в мире, где нет ни дружбы, ни верности. Но должен признать, что она греет моё ложе чаще остальных дьяволиц, и я рад её видеть.

— Только не говори, что тебе не нравится! — она уже расположилась у меня на коленях и играет со шнуровкой рубашки, но вдруг замирает и подпрыгивает с показной озабоченностью. — Что-то мне сегодня сидится как-то... мягковато! Ты не в духе? Что случилось?

Я скуп, без деталей, рассказываю ей о событиях последних недель, и стоит мне умолкнуть, как она зали-

вается беззаботным хохотом.

— Девчонка не промах, это да! Но я тебя не узнаю, Данте, любой другой бы наслаждался, что в кои-то веки не приходится скучать! Ты явно забыл, что тебе от неё нужно. Душа, Данте, душа и ничего больше! Зачем тебе с ней спорить, просто заключи с ней договор, любой договор, на любых условиях. А потом преврати её жизнь в ад, чтобы она сама взмолилась о том, чтоб отдать тебе душу, лишь бы это прекратилось! И дело с концом-м-м-м... — последнее слово тонет в сладком стоне, когда я привлекаю её к себе. [31](#)

69

Как же странно и непривычно звонить в дверь, а не стучаться в окно! Я стою, переминаясь с ноги на ногу, пытаюсь привыкнуть к тому, что за спиной больше нет крыльев... Дверь распахивается, и она ахает от изумления:

- Данте?! Ты?..
- Да, это я... Не удивляйся, я сейчас все...

— Сволочь! Подлец! Скотина! — похоже, она не на шутку сердита. — Что с тобой стряслось? Твое перо вдруг взяло и исчезло без следа, растворилось в воздухе у меня на глазах! Я была уверена, что тебя прибили где-то там в аду! И в итоге ты являешься в таком виде, будто тебя корова жевала!..

Я аккуратно беру её за плечи и легонько встряхиваю.

— Послушай, ну дай ты мне объяснить, наконец! Перо исчезло потому, что я больше не ангел... Я человек, понимаешь? Меня разжаловали в люди за все, что я натворил...

Она прищуривается:

— Это что, значит, быть человеком хуже, чем падшим?

— Нет! Это просто совсем другое... И знаешь, теперь у меня тоже есть душа!

— Душа — это здорово, конечно... Но вот документы у тебя есть? Ты как жить-то будешь, человек?

Я молча протягиваю ей книжечку.

— Черных Денис... Яковлевич? Нет, с фамилией все понятно, Данилы сейчас не в моде, так что Денис вполне сойдет... А Яковлевич-то почему?!

— Ну так ведь творца Яхве зовут... Мне сказали, всех бывших ангелов Яковлевичами записывают...

Она начинает хохотать и смеется так, что ей приходится прислониться к стене. Я дожидаюсь паузы и быстро вставляю:

— А еще мне оставили энохианский! Сказали, смогу переводчиком работать.

Она стирает с глаз слезы:

— Да уж, небеса воистину милосердны... Я так понимаю, ко мне ты пришел потому, что тебе негде жить? Ладно уж, заходи... Денис. Поживешь для начала у меня, а там посмотрим.

КОНЕЦ

70

Она пришла. Вернулась домой едва ли не под утро, весело распрощалась с кем-то у самой двери. Пригласит зайти? Нет, пока не стала. Дело ограничилось долгим поцелуем и далеко не дружескими объятьями, но в итоге она все-таки находит силы отлепиться от долговязого парня и попрощаться а тот, хоть и не слишком доволен, но пока решил подождать. Галантный, прах его побери! Она закрывает дверь, с трудом стоя на поддрагивающих ногах, аура пылает оранжевым костром... но моё появление тушит пламя желания куда лучше любого ливня.

— Так. И что это было? — холодно осведомляюсь я. Она вздрагивает от звука моего голоса, но быстро берет себя в руки:

— Мой друг. А ты опять опустился до подглядывания, как я посмотрю? Тебе не надоело?

От ее слов моя злость вспыхивает пожаром испуганной ярости. [29](#)

В ее словах есть доля истины, но я слишком раздражен долгим ожиданием и хочу поставить ее на место. [100](#)

Её слова остужают мой гнев. И вправду, что мне за дело до ее интрижек? [52](#)

71

Удивительное легкомыслие с ее стороны... Но, если вдуматься, она не так уж рискует: мне в самом деле сейчас выгоднее заключить договор, чем ловить ее за линией. Я беру ее руку и...

... оставляю крохотный порез, который скоро заживет. [78](#)

... с силой провожу когтем по ее пальцу, мне хочется отыграться за свои унижения. [34](#)

72

Я вдруг понимаю, что за чувство светится в её глазах — сочувствие. Не та высокомерная жалость, которую я порой ощущал в душах женщин, мнивших себя неприступными святошами (как же легко они поддавались соблазну!), а искреннее сочувствие моему мнимому одиночеству и неприкаянности. Да, мнимому! Мне никто не нужен! И слушатель-ценитель — тоже! Больше она от меня ничего не получит, буду воровать чужие стихи, чужие картины... Найду не просто талант, найду гения, чтоб она уж точно не могла устоять! Я выставил себя

тряпкой, слабаком, молящим о толике внимания... но это не более, чем игра. Не более чем тонкий ход, который приведет меня к победе. Не более чем... Я вдруг понимаю, что она смотрит на меня уже вопросительно: молчание явно затянулось. [88](#)

73

(Получено 1 перо).

Я рассылаю во все стороны неслышный зов — но не слышу ответа. Мне остается лишь проклинать современность. В старые добрые времена было б так просто вызвать мышь, чтобы она стерла часть ограды — а теперь люди сумели вытравить из своих домов даже тараканов, да и на крыс надежды нет. Мне не приходится ждать помощи даже от птиц: вороны давно покинули города, а голуби — птицы мира, они повинуются лишь приказам неба, пусть в остальное время они и роются в помойках... так что я не смогу сдвинуться ни на шаг вперед, если только она сама не сотрет линию или не выйдет за нее. [20](#)

74

Я слишком устал от всего, что на меня обрушилось, и боль стыда и раскаяния терзает меня куда больнее, чем какой-то ожог. Ангел-калека, калека не столько телом, сколько духом, я как никогда нуждаюсь в помощи и прощении. Неужели я не получу их и здесь, нужели мне не помогут ни просьбы, ни мольба? Ответ я читаю в глазах мальчишки. Ответ простой и беспощадный. Нет. Жестокость невинности, жестокость неопытности... Он слишком мало знает об этом мире, чтобы научиться прощать, он не даст мне пройти наверх — я понимаю все это, но мне нечего терять. Я лечу вперед, прямо на выставленный меч. [63](#)

75

Доступные, прекрасные, согласные на все — суккубы живут чужой похотью и готовы на все, лишь бы попавший в их объятия уже не покинул их. Я с ухмылкой подзываю одну из них поближе — и вот она уже бьется в моих объятиях. Мне не до нежностей, я груб до жестокости — но её это лишь распаляет, а меня... меня вдруг переполняет отвращение. Я для неё не более чем пища, пусть она и платит мне ласками за возможность утолить свой голод. Чтобы насытиться, она стерпит и насмешку, и боль, и унижение, будет покорной или властной, ляжет под любого, найдет трещину в броне любой добродетели, лишь бы хоть на миг заполнить алчущую пустоту, коей она является по сути своей. Но я... Чем я лучше неё? Ведь я точно так же... Нет! Я вытряхиваю из сознания поразившую меня мысль, давлю её, заставляю себя забыть, забыть хотя бы на время... Я срываюсь с места и на пошатывающихся ногах выхожу из зала. [61](#)

76

— Я. Из круга. Не выйду.

Яжимаю плечами. В конце концов, какая разница? Хочет маяться, так ей же хуже... Какая разница, в конце концов, кто добудет кровь? Наверняка просто одна из традиций, смысл которых давно забыт, но все продолжают их соблюдать... В конце концов, падший я или нет? Уж мне-то точно правила не писаны. Я швыряю ей свиток, а потом с интересом наблюдаю за её метаниями: достать нож, вымыть нож, приготовить пластырь, занести лезвие над пальцем... В конце концов она, зажмурившись, полоснула по пальцу так, что я подумал — отрежет. Ничего, обошлось.

— Как писать-то? Кисточкой? — шипя от боли

спросила она. Спыхватилась!

— Просто прижми палец под текстом, этого достаточно. Кровь помнит, кто её хозяин, не обязательно придавать ей форму подписи... Вот и хорошо, теперь кидай мне.

Я ловлю свиток и разворачиваю его. Посреди большого светлого пятна алеет небольшой отпечаток — залог за душу... Дело сделано. 4

77

Напускные вежливость и галантность слетают с меня ветхой шелухой.

— Послушай, ты что, в самом деле думаешь, что можешь выкинуть меня отсюда, как нашкодившего щенка? Ты не слишком много о себе вообразила, смертная? Я... — я осекаюсь, поймав на себе задумчиво-оценивающий взгляд.

— Знаешь, Данте, когда ты не врешь, на тебя даже интересно смотреть... По-своему приятно, я бы сказала. Как на какого-нибудь ядовитого паука за стеклом или акулу в аквариуме. Я могла бы любоваться твоим гневом, если бы он не был направлен на меня же, — она вздрагивает, явно представив на мгновение, что будет, если разделяющее нас «стекло» рухнет, а я вспоминаю, что пришел не с пустыми руками.

— Если я, по-твоему, недостаточно хорош, чтобы на меня смотреть, может, взглянешь на то, что я тебе принес? Мой дар тебя не укусит, обещаю, — с кривой усмешкой говорю я.

— Обещаешь?.. А поклянешься?

Я взвиваюсь: ну сколько она еще будет кобениться?

— Синим пламенем клянусь, что не только не укусит, а еще и понравится! А если нет, ноги моей больше

тут не будет! — на моей ладони на мгновение расцветает цветок, сотканный из лазурного огня. Первый раз в жизни я даю такую клятву не равному, а человеку... Что я натворил? Эту клятву нельзя нарушить! Но дело сделано, а она все-таки поворачивается ко мне, привлеченная яркой вспышкой. Любопытство всегда губило женщин, и этот порок ей не чужд, к тому же я нечаянно дал ей надежду...

— Ладно уж, посмотрю... Надеюсь, это очередная лживая пустышка, и ты оставишь меня в покое. 48

78

Она вздрагивает, когда мой коготь прикасается к ее пальцу, но потом на лице отражается облегчение и удивление:

— Не больно...

Я улыбаюсь:

— А ты думала, я кровожадный монстр? — аккуратно прижимаю ее палец к договору под текстом и выпускаю руку. Она недоверчиво смотрит на ранку — ланцет хирурга едва ли смог бы оставить меньший порез, да и тот затягивается у нее на глазах, а я еще раз бросаю взгляд на свиток. Посреди большого светлого пятна алеет небольшой отпечаток — залог за душу... Дело сделано. 4

79

— Что ты творишь? — слышу я голос за своей спиной. — Ой! Прости, падший, я не хотела тебя оскорбить... Живя среди людей, поневоле нахватаешься их словечек! Ты же не сердись, да?

Мне не нужно оглядываться, чтобы узнать тонкий переливчатый голосок саламандры. Эти маленькие юркие создания не слишком умны, но болтливы не в меру, вечно

трещат, как огонь, что их порождает.

— Что я творю? — растерянно переспрашиваю я. — Творю?

— Ой! Ай! Падший, только не злись! Это не более чем фигура речи! Я вовсе не сравнивала тебя с творцом, которого вы так ненавидите! Не гневайся! — маленькая ящерка испуганно юлит вокруг, буквально ползая на брюхе. Она на мгновение скрывается под землей, словно капля воды в песке, и появляется с небольшим золотым самородком во рту. — Возьми! Не сердись? Надеюсь, этого хватит, чтобы искупить вину?

Я рассеянно глажу переливчатую шкурку.

— Не сержусь. А теперь оставь меня, элементарь, мне нужно подумать. 56

80

Я рывком отбрасываю обвившуюся вокруг моей шеи руку. Взмах — и дьяволица летит на пол, зажимая ладонью располозованную когтями щеку. Но с пола поднимается уже не изящная девушка, а покрытое угольно-черными перьями чудовище со змеиной головой. Только теперь я осознаю, как же глупо поступил, дав волю гневу, ведь Астарта много старше меня, к тому же не погнушается призвать на помощь своего брата Астарота... если посчитает нужным. Но она явно решает, что со мной она справится сама — и я чувствую, как сила её магии гнет меня к земле, заставляя униженно встать на колени.

— Не слиш-шжом ли много ты о себе возомнил, Данте? — её голос остался женским, он по-прежнему льется жидким медом, но между змеиных губ мелькает длинный черный раздвоенный язык.

— Не слишком! — терять мне нечего, и я упрямо вздергиваю подбородок. Пытаюсь это сделать. И все

же попытка не остается незамеченной — и Астарте она приходится по душе.

— Мне нравится огонь в твоих глазах, Данте, — она наклоняется совсем близко, и я без дрожи смотрю в немигающие змеиные зрачки. — Мне надоели те, кто пресмыкается передо мной. Надоели льстецы и лизоблюды. Ты в самом деле не боишься меня, Данте... Не знаю, что за пламя тебя сжигает, но я хочу, чтобы ты разделил его со мной.

Она возвращает мне свободу и приглашает в свои объятия. На этот раз я отвечаю ей, отвечаю с жаром и силой... 31

81

Я вдруг осознаю, что мои умения не ограничиваются одним лишь притворством, и это наполняет меня гордостью. Пусть я чёрен, пусть проклят, но...

— Послушай, — вкрадчиво начинаю я. — Вы, люди, вы ведь сами говорите «тело не лжет», верно? Я тот, кто подарит тебе счастье. Невысказанные желания жгут тебя огнем и лишают сил. Произнесенные — не приносят облегчения, ведь они чересчур несбыточны. Ты мечешься в клетке косных правил, в которую тебя заключил обидный мир, ты знаешь, что нигде не встретишь понимания... Не бойся, я облегчу твои страдания. Со мной ты найдешь что угодно, чего жаждет твое сердце. Захочешь, сможешь быть жестокой и властной, захочешь — нежной и ранимой. Я обволоку тебя лебяжьим пухом или скую стальными цепями, стоит тебе только захотеть. Я буду лучшим любовником, какой у тебя когда-либо был и будет, ведь в отличие от людей, я всегда буду заранее знать, что за страсти бушуют в твоей душе... Ты ведь уже доводилось вкусить этот плод, я знаю и это...

— Ты-то откуда знаешь? Свечку держал? — она явно сердита и краснеет.

— Знаешь, не только единороги способны отличить девку от девицы!

— Единороги? Они тоже существуют?

— Ну, я сам не одного видел... Да послушай же ты меня! Ты просила чего-то истинного, и вот она — истина, заключенная во плоти! Радости плоти нельзя вырвать силой, их можно только даровать, разве нет?

— Разве нет, — спокойно возражает она. — Человека вполне можно одурманить, подозреваю, околдовать тоже можно. Ты же наверняка не брезгуешь магией, когда соблазняешь очередную дуру отдать тебе душу за пару секунд удовольствия?

— Но ведь экстаз от этого поддельным не становится! — взрываюсь я. — К тому же мы можем заключить договор, по которому я стал бы твоим, кхм, спутником до конца твоей жизни... [87](#)

82

Усталый, измученный, я спускаюсь под землю, где меня ждут мой дом и сад. Ждут? Что за нелепое слово! Меня не ждут. Нигде. Никто.

В последней безнадежной попытке перебороть овладевшее мной смятение, я прохожу по саду. Розовые кусты безмятежно цветут, моей силы достало на то, чтоб они цвели и под землей, цвели круглый год. Цвели? Я провожу рукой перед лицом и вижу то, что увидел бы смертный, чьи глаза поцеловала фейри: голую, выжженную, растрескавшуюся землю с воткнутыми в неё сухими прутьями.

Я со вздохом поднимаю ладонь, и моему взору снова предстает прекрасный сад в полном цвету. Тогда я взмы-

ваю в воздух и проношусь над кустами так низко, что усаженные шипами ветви вырывают из моих крыльев несколько перьев. Поистине совершенная иллюзия. Совершенная — и ненавистная.

- по взмаху руки иллюзия рассыпается прахом. [47](#)

- по взмаху руки иллюзию пожирает ревущее пламя.

17

83

Может, в самом деле оставить её в покое? Её душа не так много стоит... Пусть бы жила себе дальше, есть люди поговорчивее, зачем я трачу время и силы на ту, что так долго и умело мне сопротивляется? До сих пор я не любил сложные задачки, да и не сказать, что полюбил их теперь. Мне никогда не было интересно вплетать в слова договора ловушки и подвохи, я не бился на мечах с ангелами-хранителями, даже не пытался заглядывать в те страны, где за души сражаются многие религии и самые странные боги... Легкая, хоть и не слишком почетная добыча до сих пор была моим осознанным выбором. Зачем же я возвращаюсь сюда вновь и вновь?

Но тут я спохватываюсь, что пришел не с пустыми руками.

— Послушай, я принес тебе подарок. Может, хотя бы взглянешь? Если тебе не понравится, я улечу и больше не вернусь, клянусь синим пламенем! — слова срываются с губ раньше, чем я успеваю подумать, что творю, и на моей ладони на мгновение расцветает цветок, сотканный из лазурного огня. Первый раз в жизни я даю такую клятву не равному, а человеку... Что я натворил? Эту клятву нельзя нарушить! Но дело сделано, а она все-таки поворачивается ко мне, привлеченная яркой вспышкой. Любопытство всегда губило женщин, и этот порок ей не

чужд, к тому же я нечаянно дал ей надежду...

— Ладно уж, посмотрю... Надеюсь, это очередная лживая пустышка, и ты оставишь меня в покое. [48](#)

84

Руна, выжженная на ладони, так и не затянулась плотью до конца. Шрамы на ангеле — приходилось ли мне когда-нибудь слышать о подобном? Не думаю... Но меня это уже не удивляет, мне кажется, что я вовсе утратил способность чувствовать. Сколько дней и ночей я провел, запершись в четырех стенах? Я потерял счет времени. Человека выгнали бы наружу голод и жажда, но мне они неведомы. Покинуть своё убежище меня заставили слова. Слова, звенящие в моих ушах, огненными письменами встающие перед внутренним взором. Слова, которые я хотел бы сказать ей. Она единственная в мире понимала меня досконально и, понимая, все же одарила доверием — которое я тут же со злорадством растоптал, упиваясь своей мнимой победой. Как же глуп я был...

Я подлетаю к её окну ближе в сумерках и привычно застаю её за книгой. Несколько мгновений я люблюсь переливами её ауры, но тут что-то привлекает её внимание, она настороженно вскидывает голову и встречается со мной взглядом. Этого достаточно — я вижу, как яркие краски, отражающие её настроение, умирают на глазах, все поглощает беспощадный серый цвет. Презрение. Спокойное осознанное презрение. Не ненависть, которая так легко сменяется своей противоположностью. Не страх, который можно растопить, не гнев, который можно унять... Нет, она слишком горда даже для того, чтобы растоптать меня высокомерием. И я вдруг понимаю, что получаю по заслугам...

Что ж. Я кладу на подоконник свиток с теми самыми

словами и удаляюсь, чтоб не стеснять её больше своим присутствием. [32](#)

Хотя неведомый прежде мне стыд жжет меня едва ли не сильнее печати, я решаюсь заговорить с ней. [58](#)

85

Я взмываю вверх, чтобы крылатой стрелой вонзиться в багровые соленые волны. Выныриваю, пьяный без вина, все вокруг пропитано горечью и болью — истинной пищей падших. Кровь, отнятая насильно, источник жизни, которому некого питать, жизни, коим не суждено было исполнить свое предназначение — вот суть этой реки, стекающей сюда по капле со всех концов земли. Обычно мне довольно лишь раз окунуться в эту реку, чтобы забыть обо всем в слепом наслаждении чужим страданием — но сегодня я ловлю себя на том, что мучения, заключенные в реке, странным образом перестали быть мне чужды. Кровь помнит все — и я ловлю обрывки воспоминаний, из невесомых неслышных призраков, чей шепот звучал сладкой музыкой, они разрастаются до рвущей меня на части какофонии стонов и плача — и я осознаю, что не нахожу в этом былого наслаждения.

С омерзением выбираюсь на берег, стряхивая с крыльев запекшуюся на перьях кровь до последней капли, меня почти трясет... [61](#)

86

В этот вечер я не врываюсь в окно и не являюсь посреди комнаты, а аккуратно стучусь в раму.

— Заходи, открыто, — равнодушно бросает она, даже не подумав встать из-за стола. — Вот только дальше подоконника ты не пройдешь, уж извини...

Только теперь я замечаю, что сеть кругов опутала

всю комнату.

— В остальных то же самое, — спокойно говорит она. — И имей в виду, что работа у меня надомная, а еду я заказываю. Если понадобится, просижу здесь сколько угодно, лишь бы ты от меня отвязался! А теперь марш отсюда!

Её упорство злит меня. 77

Её упорство вызывает у меня помесь досады с восхищением. 83

87

— Как тебя, зовут, ангел? — сухо спрашивает она, и я окончательно понимаю, что мои слова не только не убедили её, а наоборот, оттолкнули.

— Данте... — осторожно отвечаю я, и пытаюсь заговорить, но она только отмахивается

— Слушай, Данте. Я еще ни разу в жизни не встречала существа более мерзкого, чем ты. Твой образ мыслей, твои доводы вызывают у меня только отвращение, а самое жуткое то, что ты явно даже не понимаешь, что именно ты делаешь не так. Я никогда не лягу с таким, как ты, по доброй воле и уж тем более даже не подумаю отдавать за это душу. Ты думаешь, ты прекрасен и неотразим? Так вот что я тебе скажу: да, твое лицо — искуснейшая и прекраснейшая из масок. Но сам ты уродлив.

***

Я плохо помню остаток той ночи. Кажется, я вылетел в окно, не удосужившись его открыть... Она что-то кричала мне вслед? Не помню...

- я опрометью полетел под землю, к себе домой. 82

- я всю ночь летал над землей, смущая людские души.

26

88

— Так ты подпишешь договор или нет? — с трудом сохраняя спокойный вид, уточняю я. Она медленно кивает:

— Подпишу. В конце концов, перетерплю как-нибудь год твои вирши... но ты включишь в договор неприкосновенность всех моих родных, друзей... Короче, всех, кто мне хоть как-то небезразличен! Ты должен пообещать, что не попытаешься похитить их души!

— Может, весь род людской в договор вписать, а? — я все-таки не сдерживаюсь. — Знаешь ли, это уже чересчур, я тебе не ангел-хранитель!

— Я просто не хочу, чтоб ты попытался отыгаться на них после того, как срок договора истечет. И знаешь ли, вряд ли мои опасения безосновательны...

Я молча признаю её правоту и достаю из воздуха чистый свиток пергамента. Договор оказывается непривычно коротким: ни бессмертия, ни безумных списков всякого барахла, которое обычно так жаждут получить продающие душу. Она пробегает глазами текст и сомнением кивает:

— Вроде все, как я сказала... И ты тоже ничего не переврал, что говорил. Что теперь?

— Дай руку, я царапну. Тебе нужно будет расписаться кровью...

— Стоп. А тебе что, не нужно?

— А ты хоть раз слышала, чтоб демон подписывал договор? У меня и крови-то нет, только ихор!

— Вот им и подпишись!

Я пожимаю плечами — почему бы и нет? — перечеркиваю ладонь когтем и прижимаю её свитку, оставляя на нем светящееся серебристое пятно.

— Довольна? А теперь давай руку.

Она отшатывается от линии:

— И не подумаю! Я не выйду из круга! И руку тебе давать не буду!

— А как ты тогда будешь подписывать? Ладно, свиток я тебе через линию перекину, но кровь что, сама добывать будешь?

Она настаивает на своем, и я кидаю ей свиток. [76](#)

Она колеблется, но протягивает мне руку. [71](#)

89

Я лечу к той, что куда опаснее, старше и умнее меня. Пусть она смотрит на меня сверху вниз, но Астарта все же простит ошибку скорее, чем кто-то из старших демонов... По крайней мере, мне придется на это надеяться. Ведь больше не на что.

Я не без трепета захожу в дворец Астарты, но боль в не желающей заживать ладони и в жгучая ярость придают мне сил. Она не слишком охотно поворачивается ко мне, оторвавшись от своего занятия: режет на тонкие полоски пласт чьей-то кожи, сплетает их в непонятном мне узоре. Что за колдовство она творит? Не знаю, и не жажду узнать. Но тем сильнее становится надежда: искушенная в древней магии, она наверняка знает ответ на мой вопрос.

— Зачем ты пришел, Данте? Я занята.

— Я нарушил договор со смертной...

— Как и все мы, — без малейшего интереса хмыкает она.

— Да, но... — я решаю идти напролом, пока она не приказала мне выметаться. — Просто посмотри, — и я без лишних слов показываю ей ладонь — и равнодушие на её лице сменяется такой дикой злобой, что я невольно отступаю назад.

— Ах ты, безмозглый щенок! — из её ладони вырастает огненный хлыст, и меня обжигает удар. Лишь первый удар из многих... — Да как ты посмел принести сюда эту дрянь?! Хотя что я спрашиваю — ты же слишком скудоумен, чтоб даже осознать, что ты сделал, ведь так? Приполз ко мне за советом, твареныш?

Она снова заносит хлыст...

... и в этот раз я пытаюсь ответить ударом на удар. [9](#)

... но я уже лечу прочь из ее дворца, спасаясь бегством, и удар не достигает цели. [60](#)

90

Я распахиваю крылья, распрямляюсь в полный рост — и свет в комнате меркнет.

— Вот что такое истинный падший! Я тлен и гниль! Я порок и похоть! Я ржа, что ест металл! Я соль, которой посыпают землю, чтобы она никогда не могла родить! А она — оживший прах и прахом станет!

— Прекрати! — она сжалась в комок, её трясет... Да, видеть падшего в его истинном величии почти невыносимо для смертного — но я еще не закончил. Кончиком когтя я подцепляю одну из её драгоценных книжонок, которую она так неосторожно оставила на самой границе, провожу по страницам ладонью — и с хохотом швыряю обратно.

— Посмотри, что с ними будет через жалких двадцать лет! И после этого ты осмелишься настаивать на том, что они красивы? Признайся хотя бы себе — ты ослеплена призраками, которых так презираешь! Твое восхищение — самообман, в который ты веришь так истово, что он кажется тебе правдой!

Она растерянно перелистывает страницы, и я знаю, что она видит: волосы, черноту которых изъела седина,

покрытые морщинами лица. Она листает невыносимо медленно, всматривается в страницы так пристально, будто хочет прожечь их взглядом, и победная улыбка медленно сползает с моих губ. Почему она продолжает смотреть? Почему не отбросит книгу с отвращением? Не признает мою правоту? Наконец, она нежно проводит рукой по страницам...

— Ты так ничего и не понял,— грустно и почти сочувственно говорит она наконец.— И, боюсь, уже не поймешь... Они прекрасны не потому, что родились красавицами, хотя некоторые из них и в самом деле красивы. Они сильны и горделивы, каждая из них бросила вызов закоснелым правилам и жестким общественным рамкам, каждая боролась за право быть собой — и выиграла этот бой. Они дарили и дарят людям надежду и мечты, они вдохновляют, они указывают путь, они утешают... Вот в чем их красота! И они прекрасны даже в старости, поскольку жизнь их не была бесцельной... А ты... Ты только что рассказал о себе столько, что и половины хватило бы, чтоб проникнуться к тебе отвращением. И ты по-прежнему смеешь думать, что ты лучше их?

Я отступаю перед её правотой. Я поторопился и вдругорядь потерпел поражение... Но в следующий раз все будет иначе.

— Я вернусь,— обещаю я напоследок.— И тогда даже тебе придется признать, что и я чего-то стою.

— Не трать силы, падший,— только и бросает она мне вслед... [59](#)

¶

Я сижу и смотрю на закат. Закат, отмеряющий срок окончания договора, которому так и не суждено было быть исполненным... С последним лучом солнца с моего

плеча серым пеплом осыпается печать, но я чувствую — руке уже не отрасти, я пронесу память о своем позоре через вечность...

Я отверг и помощь, и совет Серафима... Мне нет места на небесах. Я слишком труслив, чтобы вновь предстать перед разгневанной Астартой... Мне нет места в Преисподней. Я предал единственного человека, который был достаточно великодушен, чтобы дать мне надежду найти себя, предал не единожды... Мне нет места рядом с ней. Никогда еще я не был так неприкаян и так... свободен?

Эта безумная мысль вспышкой раскалывает мир вокруг меня. Свобода! Это же и есть истинная свобода! Я не должен ничего и никому, меня не связывают ничьи правила, никакие печати и барьеры! Но мой мир вновь погружается во мрак, когда я осознаю: это не свобода. Это пустота. Свобода не имеет ни опоры, ни привязанностей — худшая из возможных кар... И я лечу туда, куда лететь не имею права. Я лечу к ней. Но не для того, чтобы просить о чем-то, а для того, чтобы стать я ее тенью. Я просто не смог придумать ничего лучшего...

С того вечера я неотлучно был с ней. В болезни и здравии, в радости и в горе, как говорят священники. Был рядом, пусть и не отводя беды, но смягчая их. Оберегая от других созданий преисподней. Иногда чуть подправляя в ее пользу выбор слепой удачи. Я просто хотел, чтобы она была счастлива.

Я так ни разу и не показался ей, даже в снах. Я видел, как она постепенно забывает меня, видел, что она больше не останавливает задумчивый взгляд на пере, по-прежнему украшающем ее стену... А потом рамка сломалась при переезде, и ее друзья просто выкинули перо по незнанию. Она, конечно, огорчилась, но не слишком надолго.

Я не был возмущен, я решил, что так будет лучше.

Я провожал ее до дверей здания, в котором она стала чужой женой, а потом так же неприметно но сторожко стал оберегать ее детей. Я провел с ней всю ее жизнь, гоня прочь мысль о том, что люди все же смертны... но однажды это случилось.

Ей повезло умереть во сне, умереть так же легко, как она жила, и той ночью я стоял на страже, готовясь отразить нападение любого демона, который мог бы покуситься на её душу. Но явился не демон. Явился серафим. Я встретил его угрюмой усмешкой, готовый к тому, что сейчас он погонит меня прочь...

— Что ты стоишь здесь, Данте? Если ты взял на себя эту работу, будь добр выполнить ее до конца, нехорошо заставлять даму ждать, — с мягкой укоризной в голосе обратился он ко мне.

— О чем ты, Серф? Я ничего на себя не брал... Не шути со мной!

Серафим только покачал головой.

— Ты не послушался моего совета, Данте, и тем самым сделал худший выбор, какой только мог... И все же в итоге все обернулось к лучшему, хотя сам ты этого так и не понял. Как давно ты не смотрел на себя, Данте? Как давно ты растворился в ней настолько, что перестал замечать, что с тобой происходит? Как ты мог не увидеть, что твои перья уже давно не черны?..

Я неверяще поднес к глаза конец крыла. Белые... Мои перья стали белыми. Но как?

— Ты стал ее ангелом-хранителем, Данте. Падший ангел-хранитель — такого не бывало от сотворения мира, и все же ты им стал. А теперь иди же. Иди к ней. Только ты достоин проводить её к воротам Рая. Лишь ты один.

92

Я ловлю себя на том, что моя улыбка на мгновение становится искренней. У неё еще хватает духа шутить! Давно со мной такого не бывало...

— А что, можно и поменять, — я подхватываю игру и по щелчку пальцев стены меняются до неузнаваемости, теперь их украшают драпировки из темно-зеленого шелка. Однако внутри мелового круга все остается по-прежнему.

Она восхищенно ахает и тянется потрогать переливчатую ткань, но вовремя отдергивает руку, так и не нарушив охранную черту, и мне остается только подавить разочарованный вздох. А ведь почти удалось...

— Это настоящее? — уточняет она. — Если я соглашусь отдать тебе душу, все так и останется?

Что, так просто? Я спешу закрепить успех:

— Этот шелк лучше настоящего! Он никогда не выцветет и не потускнеет, его не испортят ни время, ни солнце, ни вода... А если ты решишь сменить жилище, то в твоём новом доме стены станут такими же! — я замолкаю, видя на её лице глубочайшее разочарование. Почему?

— То есть, это иллюзия. Оно мне только кажется...

— Слушай, смертная! — мне почти смешно, как она может быть такой глупой и не понимать ценности того, что ей предлагают? — Говорю же тебе, это куда лучше нитей, сплетенных какими-то мерзкими червяками! Эта ткань будет радовать глаз всю твою жизнь! Или ты думаешь, что она неосязема? Нет, ты сможешь к ней прикоснуться, как только выйдешь из круга, и тогда убедишься сама — она нежнее земных шелков. Вы же любите чудеса! Вы даже платите за них! А это лучшая из иллюзий, какую только можно себе представить.

— Это обман, ангел,— упрямо говорит она.— Я не спорю, мы, люди, рады обманываться, мы ценим мечты и умеем ими наслаждаться... Но если человек отмахивается от того, что живет погоней за призраками, то лично у меня он вызовет только жалость. Ты в самом деле настолько сильно меня презираешь, что думаешь, будто я буду рада такому подарку? [15](#)

93

— Послушай, смертная... Да, не стану лгать, я прилетел за твоей душой, но я же не прошу тебя отдать её даром! Я мог бы дать тебе, все, что пожелаешь, что только тебе угодно... Или, если ты не можешь сейчас решить, что тебе нужно, я мог бы дать тебе денег, золота, драгоценностей — чтобы тебе не пришлось отказывать себе ни в чем, ты сможешь это просто купить!

Она странно смотрит на меня и чуть приподнимает бровь.

— Золото? Золото, которое превратится в пыль, стоит его перекрестить? И то же самое, я так думаю, произойдет с деньгами, а? Скажи, нечистый, я права?

Её слова заставляют меня смутиться, пусть и не более, чем на полмгновения. Да, это один из наших любимых приемов, почему бы и нет? Тем более теперь, когда люди все реже крестятся, вкладывая в этот жест истинную веру... Один демон клялся, что из его золотого слитка когда-то сделали украшения для алтаря одной из церквей — и алтарь сияет по сию пору! Теперь, когда в мире веры нет, можно не бояться, что тебя поймут на подделке... Я пытаюсь объяснить ей это, но, похоже, она боится вовсе не гнева властей.

— Это обман, ангел,— упрямо говорит она.— И я не стану закрывать на это глаза, сколь бы совершенной ни

была твоя подделка. Ты в самом деле настолько сильно меня презираешь, что думаешь, будто я буду рада такому подарку? [15](#)

94

— Сегодня ты будешь моей, не душой, так телом! — с этими словами я медленно делаю первый шаг к ней. Спокойный, уверенный шаг хищника, загнавшего добычу. Она бледнеет и пытается убежать в другую комнату, захлопнув за собой дверь. Ха. Я, не ускоряя шага, прохожу сквозь дверь бесплотным призраком. Страшно? Больно? Не больше, чем было мне! Я чувствую странное жжение в ладони, но не обращаю на него внимания.

Я приказываю пламени раздеть её. [95](#)

Я грубо сдираю с неё одежду. [102](#)

95

Щелчок пальцев — и одежда на ней загорается изумрудным пламенем. Она вскрикивает, но не от боли, а от испуга: это пламя не уязвит её, лишь разденет... Эффектный трюк, люблю смотреть, как ужас сменяется изумлением, облегчением, а потом вновь ужасом — ужасом осознания... Она забивается в угол, и я небрежным движением смахиваю с неё дымящиеся остатки ткани. Хватаю за плечи и диким укусом впиваюсь в шею, заставляя вскрикнуть. Нет, в этот раз наслаждения не жди... Боль в ладони становится сильнее, но мне не до того. [23](#)

96

Когда я врываюсь к ней в дом, то обнаруживаю, что он пуст. Можно было бы явиться прямо к ней, где бы они ни была, но я решаю воспользоваться случаем и без помех осмотреть её жилище. В конце концов, пока я

летел, злость немного выветрилась... а вот любопытство, наоборот, проснулось. Чем она живет и дышит, эта непостижимая девица?

Я неспешно прохожу по комнатам: полки, полки, полки... Где не стоит книжный шкаф, там что-то висит, на стенах почти нет свободного места. Я беру книги наугад, листаю. Любые буквы тут же превращаются в моих глазах в энохианские символы, но я все же понимаю, что здесь собрана библиотека на нескольких языках, да и тематика весьма пестрая. На стенах тоже странный хаос: здесь висит деревянный меч, там оправленный в рамку лоскут пёстрой ткани, поодаль — резной лист. Я на мгновение останавливаю взгляд на своём перере, которое по-прежнему красуется на стене охотничьим трофеем. Забрать, что ли?.. Ладно, не буду.

Я снимаю с полки альбом какого-то художника и листаю его, дожидаясь ее прихода. [70](#)

Мое внимание привлекают обломки камней, расставленные на одной из полок. [37](#)

97

Она плачет и жалуется на одиночество, говорит, что никто из людей ее не понимает, что я — ее единственная опора в жизни... Она прижалась к моей груди и не видит, что моё лицо застыло в брезгливой и презрительной гримасе. Как же она глупа! Ее целыми днями окружают толпы ей подобных, стоит лишь протянуть руку и позвать! Но она предпочитает замыкаться в себе и фальшиво страдать из-за своих надуманных бед.

Но она продолжает говорить, и её наигранная тоска вдруг странным образом находит отклик где-то в глубине моего существа. Она никчемная пустышка, упивающаяся своими якобы глубокомысленными страданиями... Но,

как бы ни был глуп и надуман повод, она в самом деле исполосовала себе всю душу, изуродовала собственное естество до полного ничтожества в погоне за красивой позой. И я вдруг осознаю, что ее муки не так нелепы и глупы, как она сама. Она ведь в самом деле страдает, хотя и не понимает, что истинная причина ее мучений не во мнимом одиночестве, а в том, что она давным-давно утратила себя...

Она поднимает лицо, и я складываю губы в нежную всепонимающую улыбку. Я дарю ей очередную пустую грезу, яркую безделку из тех, на которые люди, так падки, и она, умиротворенная, засыпает в моих объятьях.

Я аккуратно высвобождаюсь из кольца ее рук, и вдруг замираю, пораженный осознанием: да, я снова обманул её, но в этот раз я сделал это не из-за договора, не чтобы втихомолку посмеяться, а потому, что мне вдруг стало жаль эту несчастную дурочку... Жаль?! Несчастную?! Да что же со мной творится?

Я срываюсь с места и взлетаю ввысь. Я знаю, кто запятнал меня ядом милосердия, и сегодня я намерен выжечь эту заразу дотла. Раз и навсегда, я слишком долго тянул с этим! [96](#)

98

Она парит в ночном небе, ветерок перебирает серые перья... Она по-детски радуется обретенной свободе и беззаботно носится в воздухе, ныряя между облаками. Я улыбаюсь, любуюсь ее полетом, росчерком безмятежного счастья в посеребренном луной небе. И жду. Наконец, она замечает, что шум её крыльев — это не просто шелест и свист, звуки складываются в странную щемящую мелодию... Она несколько мгновений вслушивается в звуки, потом негромко спрашивает, и голос ее

звучит неожиданно неуверенно в ночной тишине:

— Это ты, Данте? Ты играешь музыку моими крыльями?..

Несколько взмахов черных крыльев — и я встаю рядом. Качаю головой:

— Не я, а мы. Ты ведь и сама чувствуешь, что эта мелодия тебе слишком знакома, чтобы исходить от меня. Тебя напугало то, как живо отзывается твое существо на эту мелодию, ты боишься, что я проник в твои потаенные мысли, боишься, что мы стали слишком близки...

Она пытается возражать, но осекается, понимая, что я прав. А я с трудом унимаю боль, захлестнувшую меня жалящей волной. Она не хочет быть со мной, она не хочет быть рядом, она терпит меня из жалости, как прибудившегося зверька, ждет окончания срока договора, чтобы потом забыть... Я ничем не выдаю себя. Загоняю боль глубоко внутрь, где она продолжает терзать меня все с той же лютой злобой... но она об этом не узнает о моей боли. Никогда. Я договариваю, поясняя и успокаивая ее:

— Эти звуки — голос твоей души, эта мелодия — песня твоего сердца, облеченная в музыку... Я лишь дал тебе дар слышать ее, не более того.

Она понимает и верит, но замирает снова, охваченная новой робостью. Она словно боится, что ее душа полна фальшивых нот, но я обрываю её раздумья, я не прошу, я почти приказываю, я почти умоляю:

— Ну же! Лети вперед, лети, что есть сил, позволь себе раскрыться и зазвучать!

Она еще несколько мгновений парит на воздушных потоках, собираясь с мыслями, прислушиваясь к шепоту ветра... А потом взмахивает крыльями и летит ввысь, навстречу луне. И ее перья звучат оркестром из сотен волшебных свирелей... А я смотрю ей вслед, и боль,

нестерпимая, вечно голодная боль терзает мое сердце...

35

99

— Нет, я заставляю тебя исполнить договор, хочешь ты этого или нет... — я окончательно теряю голову. Сначала я просто прошу, потом умоляю, потом начинаю угрожать — и рука наливаясь нестерпимым жаром. Даже безумие не может заставить меня ударить её, но в моих силах окатить её волной боли, и она падает, в силах удержаться на ногах. А я чувствую, как мою руку охватывает пламя. Я заставляю боль схлынуть и повторяю просьбу, но она лишь молча мотает головой. Тогда я продолжаю пытку, хотя вряд ли боль, которую испытывает она, может хоть в малой доле сравниться с той мукой, что терплю я. Неведомая магия терзает меня без всякой пощады, но моё отчаяние так велико, что я нахожу в себе силы противостоят боли. Наконец она сдается и хрипло шепчет:

— Ты... пре... кра... — её голова бессильно падает на пол, и она теряет сознание. А я смотрю на свою руку... Она черна и мертва до самого плеча — сгорела в уголь. Не веря глазам, я касаюсь её, и она рассыпается прахом, но на обрубке мрачным огнем рдеет то же клеймо. Или оно изменилось? Рубленные линии как будто сдвинулись, сияясь стать цельным символом — но смысл знака по-прежнему ускользает от меня. 65

100

— А тебе не надоело играть в оскорбленную невинность? — почти ласково спрашиваю я. — Ты заключила договор с нечистым, милая моя, так чего ты ждала? Что я буду целомудренно отворачиваться каждый раз, когда ты решишь с кем-нибудь пообжиматься? Или благослов-

лю вашу чистую и светлую любовь, раскаюсь и исчезну, оставив тебе душу?

Она попеременно краснеет и бледнеет, слыша мои слова, и на её ауре проступают четкие пламенные отпечатки — следы-воспоминания недавних прикосновений. Глядя на них, я понимаю, что недавние объятия были отнюдь не оборванной прелюдией, а наоборот, последним отголоском отгремевшего шторма. И от этого понимания у меня вскипает кровь в жилах.

— Еще... Раз... С ним... Встретишься... — я выталкиваю слова через хрип, через силу, с моего языка рвутся проклятья, которым нет места в мире смертных, но я еще не настолько обезумел... Судя по всему, моя ярость действительно страшна, она, сама того не замечая, вжимается в стену, но все же находит силы чуть слышно напомнить:

— Договор...

— Договор?! — стены вздрагивают от моего рева. — Я не нарушу договор ни словом, ни делом!

По взмаху моей руки стены исчезают, исчезает и пол. Под нашими ногами течет жаркая лава, от которой нас отделяет лишь узкая полоса земли.

— Я не причиню ему ни малейшего вреда, — продолжаю я чуть спокойнее. Моя выдумка так понравилась мне, что я уже не вижу смысла яриться. — Но все, что он будет видеть до конца жизни — лаву под ногами. Ни одна дорога не покажется ему достаточно широкой, ни одно поле не порадует взгляд зеленью! Ты обречешь его на ад при жизни, если еще хоть раз увидишься с ним, поняла? Ты этого хочешь?

Она в ужасе мотает головой:

— Нет! Нет!!! Я позвоню ему и порву с ним! Не надо!

— Вот и славно, — я чувствую, как мои губы выгибаются в змеиной улыбке. — А чтобы ты лучше усвоила урок, я сотру его прикосновения своими. Сегодня ты будешь моей, не душой, так телом! 94

ЮЮ

Я аккуратно выуживаю ложку из сахарницы, она кивает:

— Старая, прапрабабушкина. Это был целый сервиз, но после всех войн двадцатого века осталась лишь одна ложка...

Я задумываюсь на долю мгновения — и стол покрывает множество серебряных вещей, от молочника до изящной конфетницы. Сервиз был не из самых дорогих и редких, я видел такие не раз, создать нужный морок не составило труда. Я гордо смотрю на неё, а потом вдруг съеживаюсь, вспоминая, что она не любит подделки... Вдруг она опять окатит меня презрением? Но в этот раз ее взгляд светится благодарностью:

— Спасибо! Это тот самый? Я всегда хотела его увидеть, но по ложке опознать не смогла, на ней даже клейма нет, стерлось... Послушай, а что еще ты можешь показать?

Оказывается, что она любит рассматривать старинные вещи. И с тех пор нам никогда не приходится думать, чем заняться. За сотни лет на земле я посещал множество домов, а памяти ангела неведомо забвение. Я провожу её в дворцовые палаты и нищие лачуги, показываю мастерские, где работали ткачихи и вышивальщицы, мы обследуем подвалы и кухни, крохотные закутки и роскошные залы. Её огорчает только то, что не все можно потрогать:

— Ну почему так?

— Я показываю то, что видел, но я же не прикасал-

ся к каждой вещи,— терпеливо объясняю я.— Как же я создам чувство, которого не испытал? Могу придумать наугад, но ты же не этого хочешь?

— Да. Но жалко.

Иногда она грустит:

— Знаешь, когда я вижу все эти дома, я не могу не думать о том, что в них жили люди. И в каждый дом ты приходил, чтобы украсть чью-то душу...

Я оставляю эти слова без ответа. Да, все так и было. [5](#)

102

Я прижимаю ее к стене и принимаюсь срывать с нее одежду, нарочито грубо, выверенно жестоко. Ярость — превосходное чувство, но сейчас она уступила место холодной жажде мести. Я распарываю ткань ногтями, умышленно оставляя на ее коже царапины, которые тут же обрастают неровной бахромой из ниточек сочащейся крови. Я сдираю лохмотья ткани, с наслаждением впечатывая в ее тело багровые полосы ссадин. Я оставляю ей лишь манжеты блузки, они трепыхаются на ее запястьях нелепой пародией на наручники. Боль в ладони становится сильнее, но мне не до того. [23](#)

103

Здесь, как водится, балом правит Барбело. Кто-кто, а она знает толк в подобных игрищах... Я незаметно проскальзываю внутрь, не спеша присоединиться к действию, для начала полюбуюсь её работой. Сегодня она привела с собой очередную жертву: смертного, завлеченного её прелестями. Он с ужасом озирается вокруг, глядя на великолепный набор пыточных инструментов, слыша дикие вопли других истязаемых.

— Какого хрена?! Мы не об этом договаривались! —

в конце концов хрипит он. Я невольно отдаю должное его характеру, обычно они начинают молить о пощаде и проситься наверх... Или он слишком туп, чтобы понять, в какую ловушку его завело собственное сладострастие?

— Как не об этом? — Барбело с напускным удивлением хлопает ресницами и четко, чтобы слышали все вокруг, проговаривает слова договора.— Поправь меня, если я ошибаюсь, ты просил «неземное наслаждение, доступное лишь бессмертным»? Так вот, я тебя уверяю, мы в Преисподней наслаждаемся именно так! А если ты хотел «райского блаженства», то обратился малость не по адресу!

Все вокруг раздражаются диким хохотом, оценив изящество шутки, а смертный, побледнев, пытается бежать — но его шею захлёстывает пылающий хлыст, и Барбело неспешно подтаскивает его поближе.

— Не волнуйся, я исполню договор в точности,— обещает она, и в её голосе звучит почти ласка.— Я по этой части считаюсь одной из лучших...

Но надолго его не хватает. Демонесса разочарованно рассматривает кровоточащий ком мяса, в который превратился смертный, и наклоняется к нему для последней пародии на поцелуй, вытягивая его последний вздох вместе с душой — а затем брезгливо сплевывает комок эфира на пол.

— Ну и мерзкая душонка! Гнилая насквозь, такую и Владыке-то поднести стыдно...— ворчит она и давит душу ногой, отсылая её в небытие.— Он недостоин даже вечных мук...

Вокруг раздаётся смех, свист и рукоплескания, а я вдруг понимаю, что увиденное не то что не доставило мне удовольствия — скорее, я чувствую что-то сродни омерзению. Нет, здесь мне сегодня точно не место,

понимаю я и решительно покидаю залу. 61

104

— Я хочу заключить с тобой договор... нет, не перебивай, дослушай! Всего на один год. Обязуюсь, что не прибегну к силе, чтоб завладеть твоей душой, не склоню тебя к выполнению единственного условия ни магией, ни хитростью, ни словом, ни поступком...

— Условия?

— Я ставлю тебе лишь одно условие: если в течение этого года ты признаешь, что я красив, признаешь искренне, от души, поверишь в сказанное всем сердцем — то я получу право забрать твою душу. Если же год истечет, и я не добьюсь признания — я навсегда исчезну из твоей жизни.

Она недоверчиво улыбается:

— Данте, это смешно. Ты же не можешь не понимать, что такой договор невыполним? Или тебе гордость не позволяет просто признать свое поражение? Или... Постой...

Она вдруг замолкает, и я чувствую, как её настроение неуловимо меняется. В кои-то веки я не чувствую ни презрения, ни отторжения — меня окатывает исходящая от неё волна совершенно незнакомого чувства. Еще никто из людей так ко мне не относился... Что это?

— Послушай, Данте. Тебе же на самом деле... некому об этом рассказать, да? Ты создал фантасмагорический каменный сад, но тебе некому его показать. Ты написал стихи — насколько это можно назвать стихами — но не встретил не то что восхищения, даже понимания... Знаешь, Данте, мне почему-то кажется, что ты просто хочешь заполучить собеседника, который сможет по достоинству оценить то, что ты делаешь, я ведь права?

Я понимаю, что она права — и чувствую странное облегчение, даже радость. 88

Я с тихой яростью понимаю, что в ее словах и в самом деле есть доля правды. 72

